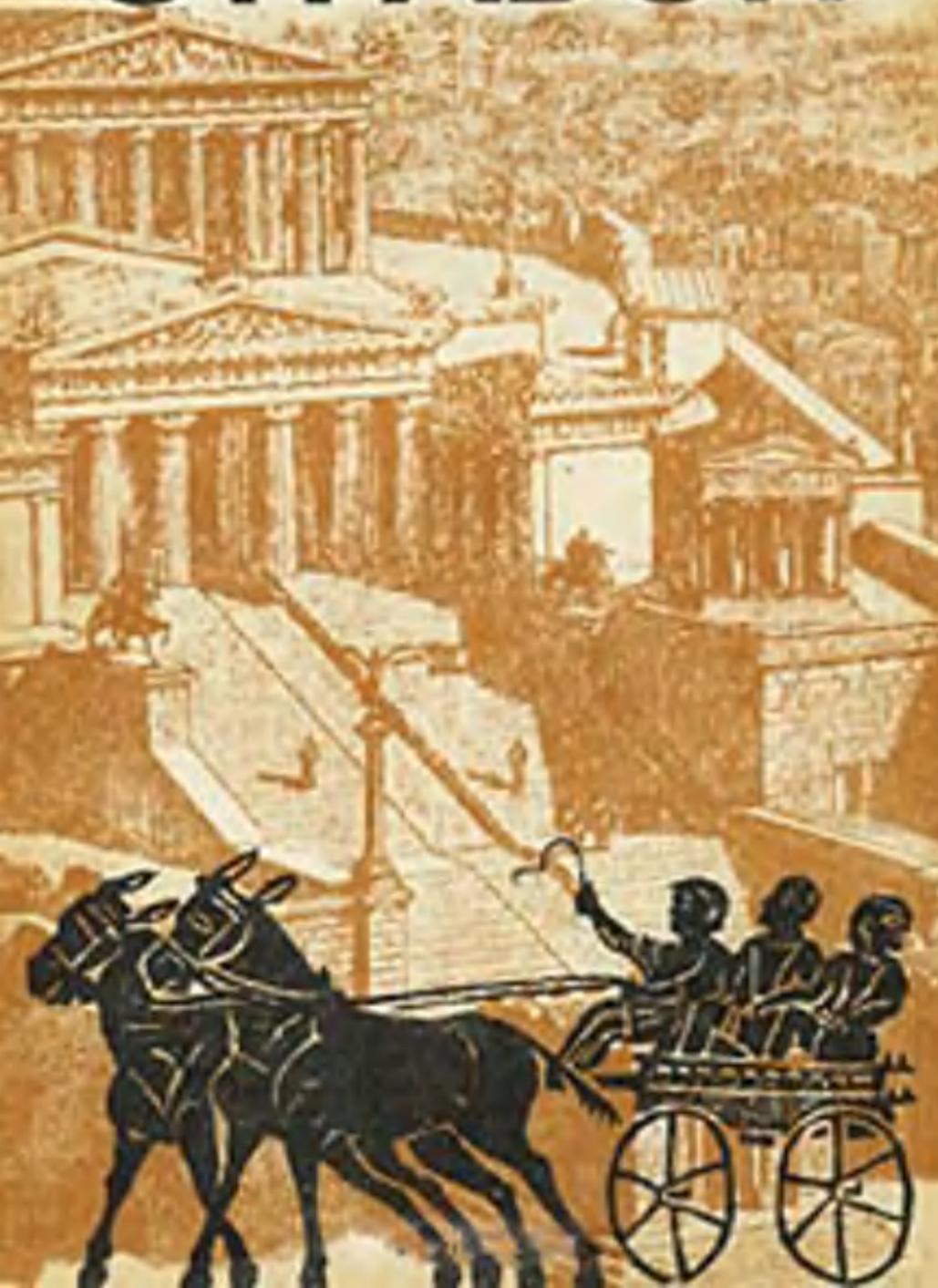


© Н. Арский

СТРАБОН



ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ГЕОГРАФЫ И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Ф.Н.Арский

СТРАБОН



ИЗДАТЕЛЬСТВО
•МЫСЛЬ•

МОСКВА 1974

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Арский Ф. Н.
А 85 Страбон. М., «Мысль», 1974.
72 с. (Замечат. географы и путешественники).

Книга эта — живой рассказ о жизни и научной деятельности крупнейшего античного географа Страбона. Его знаменитая «География» (в 17 книгах) — ценнейший источник разносторонних знаний, повлиявший на дальнейшее развитие географической науки. Благодаря Страбону миру стали известны и не дошедшие до нас произведения его предшественников-географов.

А 20901-272—181-74
004(01)-74

91 (09)

*Светлой памяти
моего друга
Игоря Белоусова,
географа
и путешественника*

ЕСЛИ БЫ НЕ БЫЛО СТРАБОНА

Малоазийский грек, живший на рубеже нашей эры, написал на склоне лет сочинение, которое, он надеялся, с пользой прочтут заинтересованные лица — политики, полководцы, просто образованные, «благородные» люди.

А лиц таких не нашлось. Современники этого произведения не заметили.

На первый взгляд оно не отличалось от других. Ученые, путешественники, писатели много рассказывали об отдельных странах и народах. И «География» Страбона ничего особенно нового не добавляла к тому, что уже было известно. Разве только выделялась своими размерами — как-никак она состояла из семнадцати книг. Кто знает, может быть, это и отпугивало читателей? Так же как непонятный жанр, в котором она была написана. В ней перемешались строгие научные рассуждения с экзотическими описаниями, сухие перечни названий и яркие картины быта и нравов малоизвестных племен. Что это? Трактат? Путевые очерки? Философско-назидательные рассказы?

Какая-то печать неопределенности лежала на Страбоне. В его жилах текла греческая и персидская кровь. Свои сочинения он писал по-гречески. Впитал в себя традиционную эллинскую образованность. И мог с уверенностью считать себя греческим ученым. Но жил он в римскую эпоху, общался с римскими учеными и писателями, подолгу находясь в «вечном городе». Кто осмелится вычеркнуть его имя из истории римской культуры?

Страбон был свидетелем рождения Римской империи, поглотившей, вобравшей в себя весь эллинский мир, все его очаги в Греции, Малой Азии, на Боспоре (в Крыму). Творчество Страбона подвело итог эллинистической науке. И потому прав современный исследователь, говоря: «Мало найдется писателей, которым мы были бы больше обязаны, чем ему. Произведение Страбона — лебединая песня эллинизма; его глазами мы смотрим на этот мир в целом, когда он уже отошел в прошлое. Он не самостоятельный географ — он перерабатывает своих предшественников. Но пишет он хорошо и оказывается нейтральным и трезвым критиком... Велика масса сохраненных им сведений по серьезным вопросам — о географической теории, греческих полисах, экономике... Со времен Геродота не осталось другой такой красочной книги»¹.

Книга имела право быть неопределенной по своему жанру, потому что была энциклопедией. Страбон собрал все, что знали в ту пору об обитаемой земле — ойкумене; он изложил все существующие мнения по так называемым теоретическим вопросам и споры о местонахождении того или иного пункта.

Современники не смогли оценить его колоссального труда. «Книги имеют свою судьбу — в зависимости от того, как их принимает читатель». Этот афоризм родится через два века после Страбона², но справедливость его он мог бы испытать на себе... если бы не умер до выхода в свет произведения, которому посвятил долгие годы жизни.

Потомки оказались проницательней. Сначала им заинтересовались византийские ученые. Через тысячелетие — гуманисты эпохи Возрождения. Ныне же немыслимо представить историю географической науки без Страбона, потому что его «География» не только самое крупное из античных сочинений такого рода, она — одна из немногих, почти полностью дошедших до нас работ. Наконец, она сохранила выдержки из трудов более древних авторов, которые подчас известны только благодаря Страбону.

Пифей из Массалии (Марсель)... Выдающийся греческий путешественник, географ и астроном IV века до н. э. Первый, кто, проникнув за Геркулесовы столбы (Гибралтар), двинулся дальше не на юг, как обычно делали

¹ См. примечания в конце книги.

финикийцы, а на север. Человек, открывший Британские острова, описавший берега Северного моря и ощутивший на себе дыхание Арктики. Цель его странствий неизвестна. Неясен и точный маршрут. Но из замечаний античных авторов явствует, что он многое сделал и для географии, и для астрономии: обнаружил новые земли, определил координаты ряда пунктов в северных широтах, измерил для них полуденную высоту Солнца и т. п. Данные Пифея учитывали крупнейшие ученые — Эратосфен, Гиппарх, историк Диодор Сицилийский. Но после завоевательных походов римлян, в I веке до н. э., выяснились многие ошибки и неточности в рассказе Пифея, и ему вообще перестали доверять.

Страбон писал через триста лет после него. Ему казалось невероятным, чтобы «человек честный, и притом бедняк, мог проплыть и пройти столь большие расстояния, дойти до пределов моря и исследовать всю часть Европы, лежащую на севере». И Страбон решительно объявляет Пифея выдумщиком, сознательно или без злого умысла вводящим людей в заблуждение. Но, уличая Пифея в погрешностях и грубых искажениях, Страбон волей-неволей вынужден излагать его сочинения — своего рода отчеты о плаваниях. Опровергая чужие доводы, он должен сначала познакомить с ними читателя. Произведения мореплавателя из Массалии не сохранились. Редкие цитаты из них встречаются у более поздних, как правило, враждебно настроенных к нему авторов, чаще всего именно у Страбона.

Евдокс из Кизика... Легендарный мореплаватель II века до н. э., совершивший путешествия в Индию и якобы обогнувший Африку. Страбон убежден, что рассказы о его плаваниях — чистейшая ложь, плод отчаянной фантазии. И тем не менее добросовестно цитирует обширный текст из произведения греческого географа, философа и астронома II—I веков до н. э. Посидония, благодаря которому и стали известны плавания Евдокса.

Артемидор из Эфеса... В 104 году до н. э. появилось его сочинение, предназначенное для путешественников и мореходов. Называлось оно «Перипл» (т. е. «плавание вокруг»), и в нем греческий географ описывал берега Средиземного и Красного морей, которые сам исследовал во время своих экспедиций. Труд его не отличался особой оригинальностью. В нем наряду с личными наблюдениями много ссылок на другие работы, сухих

перечней местностей с указанием расстояний между ними. Но все же это был ценный справочник, которым, очевидно, пользовались весьма охотно. Во всяком случае даже через пятьсот лет он все еще вызывал интерес, и географ Маркиан из Гераклеи сделал из него краткие извлечения.

Произведение Артемидора не сохранилось. А от работы Маркиана дошли до нас лишь разрозненные отрывки. Больше всего цитат из Артемидора мы находим в «Географии» Страбона. Артемидора привлекает Страбон, когда ему нужно проверить сведения других авторов. Он пользуется его данными, когда рассказывает об Иберии (Испания), Геркулесовых столбах, побережье Галлии (Франция), об Италии, Греции, Кикладских островах, Колхиде, Малой Азии, Индии, Аравии, Египте, Эфиопии, северном побережье Ливии (Африка), когда рассуждает о размерах Сицилии, Пелопоннеса, о протяженности пути от Греции до Истра (Дунай), от Греции до Италии.

Совершив по часовой стрелке полный круг, Страбон возвращается (с востока на запад) к исходной точке — к северо-западной оконечности Африки и Гибралтару. И путешествие по всей известной в ту пору ойкумене он совершает рука об руку с Артемидором.

Полибий из Мегалополя (Аркадия)... Пелопоннесский грек, увезенный в 168 году до н.э. в Рим в качестве заложника, написал там «Всеобщую историю», изложив в ней события с 220 до 146 года. Это была первая в точном смысле слова всемирная история, охватывавшая весь доступный кругозору автора тогдашний мир. Географии уделялось в ней немало места, поскольку она, как и история, по мнению Полибия, ценна прежде всего тем, что помогает решать практические задачи. Историки должны знать географию не хуже полководцев. И он с гордостью сообщает о своих путешествиях в Испанию и Галлию, к берегам Ливии и Понта (Черное море). Географические наблюдения широко рассыпаны по его труду. Но, словно не желая отвлекаться, основную массу географических сведений автор собрал воедино в тридцать четвертой книге своего произведения, включавшего сорок книг. Увы, целиком до наших дней дошли только пять из них. От остальных сохранились более или менее значительные фрагменты. Тридцать четвертая книга канула в Лету. От нее не осталось и следа. Кроме... сочи-

нения Страбона. Повествуя о Греции, Испании, Черном море, Балканах (до Дуная) и особенно об Италии, Страбон щедро цитирует Полибия, как правило, полностью соглашаясь с его описаниями и оценками. Многие объяснения природных и исторических явлений он, не скрывая того, прямо заимствует у него, всячески подчеркивая, так сказать, идейную близость между ними (оба исповедовали учение стоиков).

Эратосфен из Кирены (Ливия)... Знаменитый астроном, математик, географ и философ. Руководитель Александрийской библиотеки. Человек, который вместо прежних терминов — «период» («обход»), «периегеса» («объезд») и «перипл» — ввел в научный обиход простое и удобное слово «география».

Ученый вывел эту отрасль человеческого знания за рамки простого описания местности, дав ей подлинно научную основу. Он стал родоначальником особого — математического — направления в географии, из которого позднее развились геодезия и картография. Страбон хвалит Эратосфена за то, что он «ввел» в географию математику и физику, т. е. заложил ее естественнонаучную основу. Впервые именно Эратосфен, измерив дугу меридиана, проходившего через египетские города Сиену и Александрию, вычислил с поразительной точностью окружность земного шара — она равнялась у него 39 690 тысячам километров против нынешних 40 009 тысяч (!) — и определил положение обитаемой суши на его поверхности, создав наиболее полную и точную для своего времени (III век до н. э.) карту. Суша на ней выглядела как остров, окруженный со всех сторон Мировым океаном; длина этого острова, измеренная по параллели, проведенной через остров Родос (от Испании до устья Ганга), больше чем вдвое превышала ширину: вертикаль проходила через Византий (будущий Константинополь, современный Стамбул), Родос и Александрию до границ Эфиопии.

Современники наградили Эратосфена иронически-почетным прозвищем «Бэта» (вторая буква греческого алфавита). Они всерьез полагали, что он слишком многосторонен в своих познаниях, чтобы в чем-то быть первым. История рассудила иначе, оценив Эратосфена как выдающегося ученого. В том числе и как первоклассного географа, во многом определившего дальнейшее развитие своей науки, которую он очищал от мифов, сказок и кра-

сочных небылиц, стремясь придать ей как можно более точный характер.

Сочинение Эратосфена «Географика» (т. е. «Географические записки»), состоявшее из трех книг, — увы, вновь приходится повторять печальную истину — до нас не дошло. Его иногда цитировали историк Полибий, ученый-энциклопедист I века Плиний Старший. Наиболее же полно текст Эратосфена воспроизведен у Страбона, специально посвятившего несколько глав разбору взглядов своего великого предшественника.

Отношение Страбона к нему довольно противоречиво. Отдавая должное его образованности (как сказали бы сейчас, эрудиции), проверяя с его помощью данные других источников и используя его аргументы для объяснения различных явлений, Страбон в то же время многого просто не понимает и не считает даже нужным упомянуть. Пренебрегая математическим методом и разного рода сложными вычислениями, Страбон, например, забыл рассказать о знаменитом (уже тогда) методе измерения земного шара (мы знаем о нем из сочинения астронома II века н. э. Клеомена «О круговом движении небесных тел»).

Основываясь на более поздних работах (в частности Посидония), Страбон вносит много уточнений и исправлений в карту Эратосфена, в его описания и цифры. И чем больше ошибок он отыскивает, тем подробней и детальней знакомит с подлинным текстом, дошедшим до нас в столь необычной, так сказать, негативной форме.

Наконец, Гиппарх... Величайший астроном древности, открывший явление прецессии, измеривший расстояние до Луны, рискнувший даже составить звездный каталог, включавший почти 850 небесных тел. «Этот человек, — говорили о нем, — пошел так далеко, что попытался (вещь трудная даже для бога) сообщить поколениям точное число звезд».

Именно Гиппарх настаивал на том, что география нуждается в точных астрономических наблюдениях. Он же предложил проводить на картах не две, а целый ряд взаимно пересекающихся под прямым углом линий, соответствующих определенным градусам. А так как известная тогда суша была намного длиннее с запада на восток, то эту протяженность Гиппарх назвал долготой, а расстояние с севера на юг — широтой.

Ведя в 161—126 годах до н. э. наблюдения в Алек-

сандрии и на Родосе, Гиппарх внес много поправок в карту и вычисления Эратосфена. Ими с охотой воспользовался Страбон, который не всегда достаточно хорошо понимал как Гиппарха, так и Эратосфена, но честно и обильно цитировал обоих.

Страбон, таким образом, волею судеб оказался хранителем ценнейшего научного наследия античности.

Он ничего не открыл, не изобрел, не придумал. Да и не стремился к этому. Он не был, выражаясь современным языком, самостоятельным мыслителем, творческой натурой. Зато обладал невероятным терпением. Он умел собирать факты и мнения, анализировать их, приводить в систему.

Неясно, чего больше в его сочинении — географии, этнографии или истории. Оно и поныне — незаменимый справочник для всякого, кто занимается античностью. Но этого мало.

Страбон подробно — полней, чем кто-либо до и после него, — рассказал о современном ему мире. И о том, каким представляли его в разные времена разные люди. Суждения о предмете интересовали его нередко не меньше, чем самый предмет. Ибо еще древние греки понимали, что истина рождается не только в спорах, но и в поисках. Даже в заблуждениях.

Страбон именовал себя не географом и не историком, а философом. «Полезность географии предполагает в географе также философа — человека, который посвятил себя изучению искусства жить, т. е. счастья».

Так говорит он в самом начале своего произведения. Во имя этого написана и вся его книга.

СТРАБОН РАЗМЫШЛЯЕТ

На склоне лет честолюбивые замыслы не покидали его. Он верил в свое призвание, и, вероятно, эта вера удлиняла его годы.

Он не завидовал поэтам. Рано обретая популярность, они, как правило, рано покидали этот мир. Где они, прославленные римские лирики: Катулл, Тибулл, Проперций? Сверкнули, будто метеоры, и погасли. Правда, остались взволнованные строки, которым—кто ведает?—может быть, суждено бессмертие. Но ни один из их создателей не перешагнул 35-летнего рубежа. А не менее

знаменитые Вергилий, Гораций, Овидий!.. Они успели справить полувековой юбилей (Овидий дожил до 60-ти), но остались в памяти потомков молодыми. Ибо такими были их стихи, их мысли и мечты, их страсти.

Впрочем, что ж удивляться? Поэзия — это фантазия и темперамент. Их дает молодость. А Страбон, видимо, уже в юности видел в себе ученого. Не кабинетного сухаря, погруженного в пыльные свитки папирусов, а пытливого наблюдателя. Наука требовала знаний и добросовестности, терпения и спокойствия. Чтобы собрать факты, нужно время; чтобы осмыслить их, — годы, и не простые, а зрелые, умудренные опытом. Поэтами рождаются, учеными становятся. Как знать, не потому ли олимпийские боги даровали ученым долголетие? Демокрит прожил 90 лет, энциклопедист Варрон — 89, Посидоний — 85, философ Феофраст — 85, Эратосфен — 80, астроном Аристарх Самосский — 70; историки: Полибий — 80, Тит Ливий — 76, Корнелий Непот — 75.

Страбон не мог обижаться на судьбу. Почти 90 лет прожил он спокойно, размеренно и незаметно, без взлетов и падений. В политической борьбе не участвовал. Ни к каким группировкам не примыкал. Он всегда оставался благонамеренным гражданином, уважающим богов и строго следующим законам. Находясь в гуще событий, он сумел устраниваться от них.

Рушились и исчезали целые царства. Теряли независимость гордые своим прошлым народы. В междоусобицах истребляли друг друга соседи, жители одного города, одного государства. Мучительно агонизируя, уходила в прошлое Римская республика. Неумолимо наступала новая эпоха — эпоха Римской империи.

Вряд ли современники в состоянии были оценить происходящее. Но многие задумывались над тем, что стоит за бесконечными гражданскими войнами, сотрясавшими Римское государство, и как обеспечить мир жителям этой державы. Единственной надежной силой казалась власть императора, опирающегося на войско. Таким императором и стал Октавиан, племянник Юлия Цезаря.

И именно с ним неожиданно оказался связан Страбон. Октавиан «творил» историю — Страбон о ней рассказывал. Октавиан создавал единую империю — Страбон ее описывал. Они были современниками, даже более того — ровесниками.

Страбон родился в 64/63 году до н. э. в Амасии, расположенной в ста километрах от южного берега Черного моря, на дороге, ведущей к Средиземноморью. При царе Митридате II (302—266 годы до н. э.), потомке персидских сатрапов, Амасия сделалась столицей Понтийского царства. Через сотню лет, однако, слава ее померкла: Фарнак I (184—157 годы) перенес столицу в Синопу, и Амасия превратилась в скромный провинциальный городок, ничьего внимания не привлекавший. В гуще событий он оказался незадолго до рождения Страбона.

В 74 году до н. э. по завещанию царя Никомеда III его Вифинское царство отошло к Риму. Защитником интересов сына Никомеда выступил понтийский царь Митридат VI (120—63 годы до н. э.). И вспыхнула так называемая III Митридатова война³. Вести ее римский сенат поручил консулу Лукуллу, сумевшему вытеснить противника в Армению. В 70 году до н. э. Лукулл взял штурмом Амасию. Но этим его успехи и ограничились. Несколько лет войска римлян бездействовали, а Митридат собирал силы внутри страны и за ее пределами. В 66 году до н. э. сенат передал верховное командование Помпею. Тот решительно вторгся в Понтийское царство и разбил Митридата, которому пришлось бежать в Колхиду, а затем на Боспор. Там многолетний соперник Рима, оставленный всеми, преданный собственным сыном, покончил с собой. Помпей же, насадив в объединенной провинции Вифиния-Понт послушных правителей, распределив земли между основными городами, счел свою миссию завершённой и покинул Малую Азию.

В детстве Страбон слышал рассказы очевидцев и участников недавних событий. Вероятно, немало фактов из истории Понтийского царства приведено в его историческом сочинении, не дошедшем до нас. В «Географии» Страбон не позволил себе отвлекаться и ограничился довольно скупой и суховатой справкой об Амасии: «Мой родной город лежит в большом, глубоком ущелье, через которое течет река Ирида. Город удивительно благоустроен как искусными человеческими мероприятиями, так и самой природой и сочетает преимущества города и крепости». «Внутри скалы есть водохранилища, от которых город нельзя отрезать, так как в скале вырублены два подземных канала... Через реку перекинута два моста: один — из города к предместью, другой — из предместья к окрестностям. ...Затем идет до-

лина, которая, расширяясь, образует «Равнину с 1000 селений»».

Еще лаконичнее характеризует Страбон сам Понт — одну из наиболее отсталых областей Малой Азии: «В нашей стране есть несколько разрушенных укреплений и много покинутой земли — результат Митридатовой войны. Вся страна, однако, покрыта лесом; часть ее пригодна для конских пастбищ... в целом же она прекрасно приспособлена для обитания». Что это действительно так, можно судить хотя бы по жителям восточной части Понта, которые «совершенно дикие... а некоторые даже живут на деревьях. Питаются они звериным мясом и древесными плодами; они также нападают на путников, прыгивая на них прямо из своих дощатых шалашей на деревьях».

По сравнению с этими районами захолустная Амасия выглядела настоящим оазисом цивилизации. Именно здесь, перебравшись с острова Крит, поселились родители Страбона. Об отце писатель не сообщает ни слова, зато с удивительной охотой распространяется о родственниках со стороны матери, может быть только для того, чтобы лишний раз подчеркнуть знатность своего рода. Ибо «подвиги» его родичей особого восторга не вызывают. Нельзя же в конце концов считать всерьез геройством, что Моаферн, дядя Страбона, наместник Митридата VI в Колхиде, не покинул царя в трудную минуту и разделил его участь. Прапрадед Страбона Дорилай Тактик, полководец Митридата V (150—120 годы до н. э.), прославился тем, что командовал отрядом жителей Кносса на Крите, победивших соседей-гортинцев. Дед же Страбона, тоже Дорилай, молочный брат Митридата VI, изменил царю и стал склонять понтийские города к тому, чтобы они перешли на сторону римлян. За эти услуги Лукулл обещал поставить его во главе провинций. Помпей же, сменивший Лукулла, смотрел на его пособников как на личных врагов. И по окончании войны, вернувшись в Рим, добился того, что сенат не утвердил почестей, обещанных ранее понтийцам. «Пока счастье благоприятствовало Дорилаю, — меланхолично замечает Страбон, — были вместе с ним счастливы и его родные. А после его падения... исчезло и их влияние и они впали в ничтожество».

Тем не менее ученый не стеснялся своей родословной. И воспитывали его так, как было принято в богатых

и знатных семьях, т. е. отдавали в руки частных учителей. Очевидно, они и в самом деле сыграли в жизни Страбона немалую роль, если он счел нужным специально упомянуть о них в «Географии». Первый — Тираннион из Амисы, грамматик Пергамской школы и автор географических сочинений. Пергамская школа, как и Александрийская, усердно занималась толкованием гомеровских поэм, объясняя встречающиеся в них географические названия. Но Тираннион был широкообразованным человеком, книжником, поклонником Аристотеля. Не исключено, что именно он привил юноше любовь к знанию, к книге, приобщил к науке.

Вторым был Аристодем, «полный курс лекций которого, когда он был уже глубоким стариком, мне в ранней молодости удалось прослушать в Нисе (на Меандре)... Он преподавал и риторику, имея две школы — на Родосе и в своем родном городе; утром он читал лекции по риторике, вечером — по грамматике. В Риме Аристодем обучал грамматике сыновей Помпея». Благодаря Аристодему Страбон познакомился с трудами Эратосфена и с его критической оценкой Гомера как поэта, которому нельзя доверять, ибо его произведения — сплошной вымысел. Наконец, Ксенарх из Селевкии (в Киликии), последователь Аристотеля, интересовавшийся географией. «Что же касается Ксенарха, учеником которого я был, то он недолго оставался дома, а жил в Александрии, Афинах и под конец — в Риме, избрав профессию учителя».

И еще один человек повлиял на будущего географа — философ Зенон, живший за два века до Страбона. «Наш Зенон» — так любовно именует он в своей книге этого основателя школы стоиков. Стоицизм с его проповедью всемирной гармонии, с его призывами следовать разуму и природе, стремиться к согласию и доброте, к умеренности и личному самоусовершенствованию нашел в римскую эпоху немало поклонников (среди них наиболее известный — младший современник Страбона философ и писатель Сенека, а позднее — император Марк Аврелий), пришелся по душе и юноше, отвечая не только его сформировавшимся воззрениям, но и самой натуре. Как истинный стоик, Страбон вел размеренную и разумную жизнь, не позволяя страстям вырываться наружу; заводил друзей и избегал наживать врагов; был осторожен в словах и поступках. И, как настоящий стоик, не участ-

вовал в политической деятельности, предпочитая наблюдать за событиями со стороны.

А видеть довелось многое. Юношей Страбон отправился в Рим. Много путешествовал по Италии, Египту. Не раз возвращался на родину. Чем занимался он все эти годы — неясно. Известно лишь одно — он смотрел, размышлял, записывал. Быть может, он уже тогда понимал, что природа не наделила его ярким талантом писателя, способностью к оригинальному мышлению и что ему вряд ли суждено открыть что-то новое, сказать что-то необычное. Нет, сила его — в другом: в скрупулезности, в умении собирать и обобщать факты, во всесторонней образованности — во всем том, что греки называют энциклопедичностью. Новые теории нередко оказываются заблуждениями. Старый же опыт — всегда пригодится. А что может быть полезней опыта истории!

И Страбон отдает на суд читателей «Исторические записки» в сорока трех книгах. Преклоняясь перед Полибием и его «Всеобщей историей», Страбон сознательно объявляет себя продолжателем греческого историка и начинает свое сочинение с того, на чем тот остановился, — с 146 года до н. э., года гибели Карфагена и присоединения Эллады к Риму. Прием довольно обычный для античных времен. За три с половиной века до Страбона точно так же поступил историк Ксенофонт. Продолжая незавершенную «Историю Пелопоннесской войны» Фукидида, он откровенно начал свою «Греческую историю» словами: «Через несколько дней после этого...»

Исторический труд Страбона охватывает почти столетие — одно из самых бурных в беспокойной истории Римского государства. На него приходится два крупных восстания рабов в Сицилии и грозное восстание Спартака, борьба за власть между Марием и Суллой и диктатура последнего, войны Рима в Испании, Галлии, Британии, в Африке, на Востоке, подчинение всего Средиземноморья; возвышение Гнея Помпея и Юлия Цезаря, отчаянная борьба между ними и гибель сначала одного, а затем второго, возвышение Антония и Октавиана и снова гражданская война, последним актом которой стала битва при Акцие в 31 году до н. э.; после нее в державе, измученной убийствами, разрушениями, заговорами, воцарился долгожданный мир: Его, естественно, связали с именем победителя — Октавиана, будущего императора Августа.

Страбон остановился именно на этом рубеже. Возможно, просто потому, что завершил свое сочинение как раз в ту пору. А может быть, он сознавал истинное значение случившегося и видел в победе Октавиана куда более глубокий смысл, то есть понял, что наступила новая эпоха, когда фактически власть принадлежит полководцу, поддержанному армией, но сохраняющему видимость старого республиканского устройства. Все, что произошло после 31 года, Страбон мог наблюдать непосредственно. В 29 году до н. э. Октавиан вернулся в Рим как спаситель отечества, положивший конец междоусобицам, как непобедимый военачальник, одержавший славные победы над всеми соперниками.

В 27 году до н. э. Октавиан попросил сенат освободить его от чрезвычайных полномочий. Сенаторы, сторонники сильной власти, солдаты-ветераны, столичное население, с ужасом вспомилавшее о прежних раздорах и войнах, — все просили Октавиана остаться во главе государства. Спектакль был разыгран с безупречной аккуратностью. Октавиан заявил, что восстанавливает республику. И одновременно согласился — чего не сделаешь во имя великого римского народа! — взять на себя обязанности и полномочия, делавшие его фактически верховным правителем. Он скромно именовался принцепсом, то есть первым сенатором. Но не отказался от преподнесенного ему титула Август (т. е. «умножающий», «увеличивающий блага»), который стал его личным именем. Не возражал он и против того, что один из месяцев римского календаря переименовали в август. Кроме того, он имел официальный титул «Отец отечества», руководил сенатом, командовал армией, контролировал провинции, наконец, был избран великим понтификом, т. е. верховным жрецом.

Все это не помешало принцепсу, который именовался теперь «император Цезарь Август, сын божественного» (т. е. Юлия), заявить: «После того как я потушил гражданские войны, я передал власть над государством сенату и римскому народу».

Проницательные умы смотрели в корень. Корнелий Тацит начнет свою «Историю» словами: «После битвы при Акции... в интересах спокойствия и безопасности всю власть пришлось сосредоточить в руках одного человека».

Современники же Августа больше обращали внима-

ние на то, что наконец-то установился долгожданный мир, прекратились распри, восстанавливаются города, ширится торговля, что жители огромной державы обрели спокойствие и уверенность.

«От страны восхода солнца и до края его заката царит величие империи. Никто не смеет нарушить приказов Цезаря... — ни те, кто пьет воду голубого Дуная, ни геты, ни серы (китайцы), ни парфяне, ни уроженцы далекого края у Дона». Так писал восторженный Горацій. Более сдержанный Плиний Старший говорил о «безмерном величии римского общественного порядка». Рассудительный Страбон тоже не удержался от похвал в адрес императора (правда, уже после его смерти!): «Что касается самой Италии (хотя ее нередко раздирала борьба партий) и Рима, то совершенное государственное устройство и доблесть властителей помешали им дальше идти гибельным путем заблуждения. Впрочем, нелегко управлять столь обширной империей иначе, чем вверив ее заботам одного лица, который будет ей как отец. Во всяком случае никогда раньше римляне и их союзники не наслаждались столь продолжительным миром и таким изобилием благ, как при Цезаре Августе, с того момента как он приобрел неограниченную власть».

Путь к миру был долгим и мучительным. О нем рассказывали многие историки помимо Страбона: и Полибий, и Корнелий Непот, и Диодор Сицилийский, и Тит Ливий, и Саллюстий, и Артемидор Эфесский, и Посидоний. Он вечно менялся, этот тревожный и непонятный мир, и никто не сумел бы предсказать дальнейший ход событий. Но вот наступило успокоение, неподвижность. И появилась возможность охватить весь римский мир, всю державу, прочно закрепившуюся в своих границах, единым взглядом.

Вероятно, именно тогда у Страбона окончательно созрело решение запечатлеть грандиозную картину известного в ту пору «круга земель» и подробно, с максимальной полнотой рассказать о всех его частях.

Зачем? Чтобы оставить след в памяти потомков, чтобы умереть с сознанием выполненного нравственного долга. В первый же главе первой книги «Географии» он признается: «После того как я издал «Исторические записки», которые, как я думаю, принесли пользу для моральной и политической философии, я решил написать и настоящее сочинение. И этот труд построен по такому

же плану и адресован тому же кругу читателей... Подобно тому как в моих «Исторических записках» упомянуты лишь события из жизни выдающихся людей, а мелкие и бесславные деяния опущены, так и здесь я не намерен касаться маловажных и незначительных явлений, а займусь предметами славными и великими, заключающими в себе нечто практически полезное, достопамятное или приятное. Когда мы судим о достоинстве колоссов, мы не исследуем тщательно каждую часть в отдельности, а скорее исходим из общего впечатления и стараемся понять, хороша ли статуя в целом. Точно так же следует оценивать и мою книгу, ибо она в известном смысле является трудом о колоссальном. Труд этот касается явлений особой важности и охватывает весь свет, кроме тех случаев, когда и малозначительные предметы могут представить интерес для человека любознательного или практического деятеля. Все это говорится для того, чтобы показать, насколько данное произведение важно и достойно философа». И еще одно размышление: «Если я решил писать о предмете, который уже многие разрабатывали до меня, то я вовсе не заслуживаю порицания, если не докажу, что изложил предмет в той же манере, что и мои предшественники. Хотя они и создали блестящие труды в разных областях географии, я полагаю, однако, что большую часть работы еще предстоит сделать. И если я окажусь в состоянии хоть кое-что прибавить к сказанному ими, то уже одно это — достаточное оправдание моего начинания».

К мысли об этом начинании Страбон пришел в зрелом возрасте — скорей всего, когда ему было около шестидесяти лет. Но готовился к такой книге он по сути дела всю жизнь. И тогда, когда слушал своих первых наставников, пробудивших у него интерес к науке. И тогда, когда в Александрийской, Пергамской и римских библиотеках читал старинные свитки и выписывал длинные цитаты, твердо веря, что они когда-нибудь сослужат ему службу. И тогда, наконец, когда отправился странствовать по свету, ибо при всем уважении к чужим мыслям и сведениям он, если представлялась возможность, старался дать пищу собственному уму, довериться собственным глазам. Без его путешествий произведение вряд ли родилось бы. В крайнем случае появилась бы еще одна маловыразительная компиляция, составленная из надерганных цитат. Желание узнать толкало его в дорогу.

Стремление рассказать об увиденном — заставило написать необычное сочинение.

СТРАБОН ПУТЕШЕСТВУЕТ

Путешествовать было модно.

Побывать там, куда стремятся попасть все, и убедиться, что прославленные места вполне соответствуют тому, что о них рассказывают, считалось хорошим тоном, во всяком случае в эпоху Страбона — на рубеже нашей эры.

Правда, достопримечательности представляли подчас как груда развалин. Зато эти руины обладали одним несомненным достоинством — они были древними. Старину же научились ценить задолго до римлян. Только относились к ней по-разному.

Римляне обычно странствовали для удовольствия. С равной охотой посещали они исторические святыни и «злачные места», с одинаковым простодушием восторгаясь шедеврами мастеров и рыночными поделками ремесленников. А потом небрежно признавались: да, и я кое-что повидал на своем веку, и мне есть что рассказать. Конформизм, как всегда, придавал уверенность в несокрушимой правильности поступков, мнений, оценок. Семья, не сумевшая снарядить сына в дорогу и не пославшая его туда, куда стекались уважаемые люди со всех концов обширного государства, рисковала репутацией: она могла прослыть скупой или провинциально-ограниченной. Ни то ни другое лавров не приносило.

«В любой момент мы способны отправиться в путешествие — сушей или морем», — писал в I веке н. э. философ-стоик Эниктет. И римляне ездили охотно и много — как жители столицы, «вечного города», так и те, кто мечтал добраться до него. Уже тогда, хотя поговорка еще не родилась, все дороги вели в Рим. По крайней мере для людей состоятельных, знатных или образованных.

Не миновал его и Страбон. Но вовсе не потому, что опасался отстать от моды. Он и в самом деле любил путешествовать. Неспешно, внимательно, сосредоточенно. Не как римлянин, а как эллин...

Вообще греки, за которыми в истории утвердилось репутация народа пытливого и любознательного, странствовали мало. И уж во всяком случае не помышляли

об увеселительных поездках. Разъединяли горы и бездорожье. Разъединяла психология — психология жителей изолированных, крохотных городов-государств, ревниво оберегающих свою самостоятельность, вечно завидующих соседям и вечно враждующих с ними. Их связывало море и отгораживала суша. На узких тропах редко появлялись торговцы, предпочитавшие доставлять товары на кораблях. Не слишком часто встречались и другие путники — официальные лица, гонцы, странники. Они шли пешком или седлали мулов. Повозками на этих неудобных, немощеных дорогах обычно не пользовались.

Рядовой житель вовсе не рвался за пределы родного полиса, — если, конечно, не отправлялся искать счастья в заморских колониях или в военных экспедициях. Зато греки славились (исключая настороженно-нелюдимых спартанцев) своим гостеприимством. Часто приглашали они интересных и нужных людей, предоставляя им особые привилегии. В V веке до н.э., в «золотой век» Перикла, все дороги вели в Афины, эту «Элладу в Элладе», в общепризнанный центр тогдашней культуры. Именно в ту пору стали крылатыми слова: «Ты чурбан, если не видел Афин, осел — если видел и не восторгался, и верблюды — если по своей воле покинул их».

Кто только не приезжал в Афины! Архитекторы и живописцы, музыканты и поэты, ученые и гетеры, философы и купцы. Из Египта и Северного Причерноморья, из Фракии и Ионии. Приезжали учить и учиться, любоваться и оценивать, сравнивать и спорить. Только не развлекаться. Туристов в ту пору еще не знали.

И все же несколько раз в год эллины собирались в путь — пусть и не очень дальний. Они совершали паломничество к святилищам и местам тайных сакральных церемоний — мистерий, а особенно туда, где устраивались празднества, включавшие спортивные состязания. Кроме местных, городских игр проводились и общегреческие, панэллинские: Истмийские — на Коринфском перешейке, Пифийские — в Дельфах (Средняя Греция), Немейские — в Немее (в Арголиде, на севере Пелопоннеса) и, конечно, старейшие из них, учрежденные, если верить мифам, самим Гераклом, — Олимпийские (в Элиде, на северо-западе Пелопоннеса) ⁵.

Две с половиной тысячи лет назад олимпийский стадион, вмещавший сорок тысяч зрителей, сотрясали страсти, не уступающие нынешним. Но помимо «боленья»

гости Олимпии могли любоваться храмами (прежде всего храмом Зевса, для которого Фидий создал статую, объявленную одним из семи «чудес света») и скульптурами, изображавшими атлетов — победителей игр, а также наблюдать за торжественными процессиями, за выступлениями актеров и танцоров. Веселое столпотворение рождало праздничное настроение. Поэты выражали его пышными строчками торжественных од. А знаменитый комедиограф Менандр, живший во второй половине IV века до н. э., все свои впечатления уложил в емкую формулу из пяти слов: «Толпа, рынок, акробаты, увеселения, воры».

Греки странствовали целеустремленно.

Купцов и полководцев обязывало к этому их положение. Ученые же отправлялись в путь, чтобы узнать мир, точнее, познать его. Народы и племена, их история, обычаи, нравы, природа, климат, свойства планеты — все открывалось постепенно, век за веком, принося новые загадки, все требовало осмысления или переоценки. И каждый уважающий себя ученый, а особенно историк, географ и философ, считал для себя абсолютно необходимым побывать в самых разных, желательно отдаленных, экзотических частях известного мира. Геродот, Демокрит, Платон, позднее Полибий, Посидоний в стужу и зной, по суку и по морю, рискуя попасть к пиратам или подвергнуться нападению на большой дороге, упрямо пробирались на «край ойкумены» — в Иберию, Эфиопию, Вавилонию, Колхиду, Скифию, Фракию. Они исходили тысячи стадиев (греческая мера длины, равная в Аттике 177, в Египте — 157, а в Олимпии — 192 метрам), чтобы оставить в наследство свитки папирусов, куда заносили свои мысли и наблюдения. Их бескорыстие восхищало и вызывало недоумение. Демокрита, во время странствий растратившего почти все состояние, привлекли к суду, как сумасшедшего. В самом деле, разве нормальный человек способен утверждать, будто «жалкие драхмы ничего не стоят, когда ищешь истину»!

Справедливости ради следует заметить, что познавательная и историческая ценность географических сведений в античных сочинениях весьма велика, но открытий в собственном смысле слова в них почти нет. Обычно географы собирали, изучали, сопоставляли, обобщали то, что уже открыто другими, причем, как правило, людьми, далекими от науки, посланными в неведомые края,

чтобы разведать их, основать колонии, проложить торговые пути. От всей античности дошло до нас всего лишь десятка полтора-два имен таких первооткрывателей.

В конце VI века до н. э. грек Скилак дошел до Инда и, спустившись к его устью, морем возвратился к северному берегу Аравийского залива, доказав тем самым существование «южного моря, именуемого Красным».

Через двести лет Неарх, флотоводец Александра Македонского, от того же устья Инда двинулся вдоль Азиатского побережья до устья Евфрата, открыв морской путь из Индии через Персидский залив в Малую Азию.

В V веке до н. э. карфагенянин Ганнон на шестидесяти кораблях поплыл на запад, за Геркулесовы столбы и, обогнув Африку, дошел, очевидно, до нынешнего Сьерра-Леоне. Переведенный на греческий язык «Перипл Ганнона, карфагенянина» — первый дошедший до нас отчет о путешествиях в древности.

Во второй половине IV века до н. э. грек Пифей из Массалии (Марсель) тоже — правда, на одном корабле — вышел в Атлантический океан, но повернул на север. Исследовав берега нынешних Испании и Франции, он пристал к острову, которому за его меловые утесы дал название Белый (Альбион). Азарт открывателя погнал Пифея дальше на север, пока на его пути не встала земля Фуле (по-видимому, Норвегия), за которой, по его словам, не было уже «ни моря, ни земли, ни воздуха».

Сухопутные же рубежи раздвигали обычно полководцы и торговцы. Географы шли следом — нередко с большим запозданием, достаточно сказать, что, зная о китайском шелке, римляне весьма смутные представления имели о расположении и даже существовании огромной страны на далеком Востоке.

Но звон оружия сопровождался не только пожарами и разрушениями. Завоевания расширяли кругозор. Если не побежденных, то уж во всяком случае победителей.

Триумфальный марш Александра Великого отодвинул пределы «обитаемой земли» до притоков Инда (р. Сатледж) и окраин Согдианы (современной Ферганской долины). Географическая наука пополнилась богатейшими сведениями. Правда, не слишком новыми. Македонцы покорили народы, умевшие хранить тысячелетние культурные традиции. А древние шумеры, вавилоняне и индийцы все-таки имели некоторое представление о собственной стране.

Походы Юлия Цезаря открыли римлянам Галлию, часть Британии и Германии. Римские гарнизоны обосновались в отдаленных крепостях на Рейне, Дунае, Евфрате. Купцы бесстрашно завязывали сношения с племенами на границах Римской республики, уже созревшей для того, чтобы превратиться в империю.

Во все концы державы мчались вестники, курьеры, не спеша двигались чиновники, представители власти, несокрушимой поступью шли легионы. Инженерное искусство превращало исхоженные тропы в первоклассные дороги. Их осваивали и путешественники.

Когда-то этим целям служил лишь корабль.

В Древнем Египте, например, не знали слова «путешествовать» в буквальном его значении: «совершать путь пешком, по суше». Египтяне говорили: «идти вверх» или «идти вниз», и все понимали, что имеется в виду плавание по Нилу—к верховьям или к дельте. Иного способа передвижения не существовало. Как и иного пути.

Повозками в ту пору пользовались редко. Богатые египтяне, отправляясь куда-нибудь недалеко, превосходно обходились носилками и с наслаждением внимали трогательным в своей «неподдельной» искренности словам песни, рвавшейся из восторженных глоток рабов: «Мы охотней несем нагруженные носилки, чем пустые, — так любим мы наших господ».

Обычный же смертный, лишенный таких помощников, отправлялся в путь, надев сандалии, захватив плащ и взяв в руки посох. Для энтузиастов подобного рода техника путешествий на протяжении веков не изменилась как на Востоке, так и в Элладе.

Состояние дорог мало интересовало египтян и греков. Для персов же оно составляло предмет особой заботы. Персидская деспотия поглотила многие, некогда прославленные государства. Власть «царя царей» простиралась от Эгейского моря до Индии. Она опиралась на армию и чиновничество и требовала покорности и дисциплины. Она нуждалась в точной информации, чтобы знать обо всем, что происходит в самых глухих уголках сатрапий.

В V веке до н. э. Геродот назвал почтовые тракты персов лучшими в мире. Крупнейший из них пролегал между Сузами, летней резиденцией царя, и Сардами, бывшей столицей Лидийского государства. Днем и ночью на протяжении 2100 километров спешили гонцы с донесе-

ниями и приказами, на ста одиннадцати станциях меняя лошадей. Такие же дороги связывали Сузы с Экбатаной, столицей Мидии, и Вавилоном.

Персов, как и остальных негреков, эллины считали варварами. Но, с точки зрения этих варваров, подвиг вестника, который в 490 году до н. э., пробежав от Марафона до Афин (около сорока километров), сообщил афинянам о победе и упал замертво, был явной дикостью.

В эпоху Страбона к услугам подобных скороходов уже не прибегали. По бесчисленным дорогам двигались колесницы, повозки, крестьянские телеги, скакали всадники, брели мулы и ослы. Дороги тщательно планировались, их покрывали гравием или мостили, снабжали кюветами. Основная магистраль вела из Британии через всю Европу в Иллирию (на Балканах), затем в Малую Азию, Сирию — до Индийского океана. Другой путь шел из Кадиса через Пиренеи, Галлию и Юрские горы к Виндобоне (Вене). 90 тысяч километров главных и 150—200 тысяч километров второстепенных трасс — вот что оставили римляне в наследство средневековой Европе и Византии.

Но больше всего гордились они двухколейной Аппиевой дорогой, построенной в конце IV века до н. э. Аппием Клавдием (который, кстати, провел в Рим и первый водопровод). Дорога тянулась сначала на юг до Капуи. Позднее ее продолжили до Тарента и Брундизия, на Адриатическом побережье (в Калабрии). Свыше пятисот километров этой, по словам Страбона, «наиболее часто посещаемой путешественниками дороги» он исходил из конца в конец, хотя «исходил», вероятно, звучит не очень точно. Не исключено, что иногда он и в самом деле двигался пешком. Во всяком случае в своей книге он авторитетно утверждает, что от Брундизия до Тарента — всего лишь один день пути «для человека, путешествующего налегке». Как правило же, люди, более или менее обеспеченные, пользовались транспортом. Богачи — собственным, остальные — наемным. Раздобыть двух- или четырехколесную повозку не составляло труда: во многих городах специальные корпорации промышленности тем, что сдавали напрокат экипажи вместе с вьючными животными и погонщиками в придачу.

Если корабль, доставивший Страбона в Италию, бросил якорь в Брундизии, «куда прибывают все, чей

путь лежит в Рим», то в столице тот мог появиться дней через десять. Вряд ли он особенно торопился. Во-первых, не было нужды. А во-вторых, он хотел, вероятно, по дороге все внимательно осмотреть и запомнить. Как знать, не тогда ли зародилась у него мысль собрать восдино сведения о разных краях, дополнить их собственными впечатлениями и написать книгу, одинаково похожую на исследование и путевой очерк!

«Поблизости от Таррачины (Террачина), если идти по направлению к Риму, вдоль Аппиевой дороги проведен канал, во многих местах наполняющийся водой из болот и речушек». «Город Ланувий лежит на правой стороне Аппиевой дороги, откуда видно море». Так явно мог писать только очевидец, не спеша оглядывающийся по сторонам. С сожалением смотрел он, наверное, вслед чиновникам, озабоченным делами службы, или работникам почтового ведомства. Мало кто угнался бы за ними. Огромные расстояния они преодолевали со средней скоростью семь с половиной километров в час. Самые лихие курьеры делали до двухсот километров в сутки, особенно если везли депеши с полей сражений. Такое послание было получено в Риме в 47 году до н. э. от Юлия Цезаря, разгромившего в Малой Азии понтийского царя Фарнака, сына Митридата VI. Оно было стремительным и кратким, как сама битва. И состояло из трех слов: «Пришел, увидел, победил».

Не обремененный государственными обязанностями, Страбон мог беззаботно удовлетворять свою любознательность. Если ночь настигала его в пути, он клал на землю матрац, на него — подстилку и укрывался плащом. Что ж, не всем ведь доступно странствовать в собственной коляске и везти с собой рабов, одежду, постель, домашнюю утварь и даже переносные палатки.

В оживленных торговых местечках, на курортах путников ждали удобные, хотя и дорогие гостиницы. Обычные же постоялые дворы не отличались ни чистотой, ни комфортом. Однако цену рекламе знали уже тогда. Кто устоял бы перед таким заманчивым объявлением: «Здесь Меркурий обещает выгоду, Аполлон — здоровье⁶, Септимен — хороший прием со столом. Кто войдет сюда, будет чувствовать себя превосходно...»!

И вот молодой провинциал — в столице. С какими мыслями и планами вступил он в нее? Думал ли о том, что здесь открывается путь к славе и карьере, способной

удовлетворить любое тщеславие? Или о том, что именно в Риме рушатся надежды и низвергаются кумиры? *Sic transit gloria mundi*⁷. Слава мира действительно проходит, и величие легко обращается в прах. Эту немудреную истину двадцатилетний юноша мог усвоить быстро. Рим наглядно продемонстрировал, чего стоят жизнь политика, любимца богов, искушающего судьбу, вечно приобретающего врагов и теряющего друзей, достигающего невероятных успехов и никогда не чувствующего удовлетворения.

В «вечный город» Страбон приехал впервые в 44 году до н. э. В тот год заговорщики убили Гая Юлия Цезаря.

Диктатор оставил беспокойное наследство. Готовые в любой момент взбунтоваться провинции и тревожную столицу, раздираемую междоусобицами. Наивную надежду на возрождение старых республиканских порядков и крепнущую веру в спасительную силу императорской власти.

Оценить Юлия Цезаря Страбон пока не в состоянии. Он сделает это полвека спустя. Спокойно, без эмоций расскажет он о его походах, строительной и административной деятельности. Он не станет подчеркивать его заслуги и осуждать соперников диктатора. Он постарается сохранить объективность. Только именовать он будет его «божественным Цезарем» — так, как не назовет ни Августа, ни Тиберия.

Но все это — впереди. А пока во взбудораженном Риме Страбон завязывает полезные знакомства, посещает знатные дома. И изучает город. Конечно же, он обращает внимание на необычный столб, воздвигнутый на Форуме. Это ведь тоже наследие Юлия Цезаря. Стремившийся к установлению строгого порядка, правитель Римского государства решил измерить всю его территорию. Этим занимался по его настоянию астроном Созиген, пригласивший из Египта специальных землемеров. Дороги были снабжены указателями — каменными столбами, обозначающими расстояние в милях (римская миля — 1480 метров) от Римского форума. Мероприятие завершилось уже после гибели Юлия Цезаря (на севере Италии, в Африке и на Востоке) и оказалось полезным не только для администрации. Выиграли ученые. Выиграли и путешественники.

С конца I века до н. э. странствовать стало намного удобней. Именно тогда туризм делается привычным и

модным. Особые бюро предоставляли желающим указатели, справочники, путеводители. По ним легко было определить маршрут, места, где есть гостиницы, расстояние и стоимость поездки. Географические карты не вывешивались — ими успешно заменяли стенную роспись. Одна из таких карт украшала стену римского дворца. Походные же справочники приобретали иногда довольно изысканную, хотя и неожиданную, форму — например, серебряного сосуда, на котором обозначен маршрут от Гадеса (Кадиса, на юге Испании) до Рима с указанием всех промежуточных станций и расстояний между ними.

Италию Страбон изучил основательно — и не только по путеводителям. Он читал и научные сочинения, и «Периплы», в которых описывались берега различных морей, и предназначенные для мореходов «Гавани», похожие на нынешние лоции. Не пренебрегал он и распространенными в ту пору произведениями особого жанра — «рассказами путешественников», которые, по замечанию одного из исследователей, были «оборотной стороной географии». Тип подобных рассказов установил Антифан из Берги (III век до н. э.), вполне серьезно поведавший читателям о стране, где так холодно, что осенью слова замерзают в воздухе и вы не услышите, что сказано, пока весной они не оттают. «Это — бергская история» — такую поговорку придумали греки для обозначения явной «утки». Но и среди фантастических вымыслов Страбон старался отыскать зерна истины. Для этого приходилось сравнивать, сопоставлять известия разных авторов. А еще лучше — проверять самому.

И Страбон ездил.

Один и в сопровождении друзей, которыми обзавелся в Риме (среди них — полководец Публий Сервилий Исаврийский, историк Феофан Митиленский, сопровождавший в походах Помпея, будущий префект Египта Элий Галл и, возможно, поэт Гораций). Страбон не знал еще, чему посвятит себя, но уже тогда тщательно собирал все, что относится к истории и географии. Руины говорили ему о многом. Он заметит позднее: «Находятся охотники посещать эти и другие места, потому что люди страстно желают видеть хотя бы следы столь славных деяний, подобно тому как они любят посещать гробницы знаменитых людей».

Страбон будет странствовать всю жизнь. Он обойдет и изъездит Каппадокию и Фригию (в Малой Азии), по-

бывает в горах Тавра и у подножия Кавказа, на берегах Ионии (в Эфесе), на Кикладских островах, в Коринфе. Обо всех этих местах он столь же подробно повествует, как и о других, добавляя лишь одну фразу: «Когда я там находился...» Увы, ни разу не сказал он так об Афинах.

«Сам город Афины представляет собой скалу, находящуюся на равнине и окруженную строениями. На скале расположены святилище Афины, древний храм Афины Полиады⁸ и построенный Иктином Парфенон⁹, в котором стоит статуя Афины из слоновой кости — произведение Фидия¹⁰. Однако если я начну описывать множество достопримечательностей этого города, воспетых и прославленных со всех сторон, то боюсь зайти слишком далеко и отклониться от поставленной в моем сочинении темы».

Вот все, что говорится о самом знаменитом городе Эллады. Ошеломляющая сдержанность. Тем более удивительная, что, вообще-то говоря, Страбон весьма обстоятелен, подчас многословен, не отказывается от красочных деталей и охотно пускается в исторические и мифологические экскурсы.

Какому-нибудь незначительному острову или городу он щедро отводит десятки строк. А слава, например, Милета или Эфеса, Крита или Лесбоса, тоже не раз воспевавшихся поэтами, отнюдь не удержала Страбона от их подробной характеристики. Что же мешало ему спокойно, без художественных красот описать Афины? Возможно, именно о них он не хотел повествовать с чужих слов. А своих не нашлось. Ибо в этом городе он, судя по всему, так и не побывал. Как не попал в Дельфы, Олимпию, Спарту, о которых рассказывает тоже крайне скупой и словно нехотя.

Что это — своеобразный протест против модного в ту пору паломничества в Грецию? Или нежелание подвергать себя рискованному испытанию разочарованием?

Разочаровываться было от чего.

Эллада, склонившаяся покорно перед македонским баловнем судьбы, — страна, ставшая ареной гражданских войн между римскими правителями, опустошенная и вытоптанная римскими легионами, сохранила лишь тень былого величия. Ей фатально не везло — она постоянно ставила не на ту карту. И оказывалась в проигрыше: те, с кем она связывала судьбу, терпели неудачи.

И Греция расплачивалась дорогой ценой. Исчезали целые города. Когда-то Александр Македонский стер с лица земли непокорные Фивы. Об этой варварской расправе говорили многие-многие десятилетия спустя. Во II— I веках до н. э. приходили в запустение, хирели целые области, жители покидали привычные места; некоторые районы Пелопоннеса обезлюдели, жизнь в них почти замерла.

В 45 году до н. э. друг Цицерона писал ему: «Когда я, возвращаясь из Афин, плыл от Эгины в Мегару, я начал оглядывать местность вокруг себя: за мной была Эгина, впереди — Мегара, справа — Пирей, слева — Коринф. Эти города, бывшие некогда цветущими, лежат теперь перед моими глазами уничтоженные и разрушенные... Я стал сам с собой рассуждать: «Да, мы, людишки, негодуем, если погиб или убит кто-нибудь из нас, чья жизнь неизбежно кратковременна, а здесь валяются трупы стольких городов!»»

Не менее выразителен и сам Цицерон, когда оценивает деятельность римского наместника в Греции: «Ахайя исчерпана; Фессалия угнетена; Афины растерзаны; Дирахий и Аполлония разорены; Амбракия разграблена; Эпир опустошен; локры, фокейцы, беотийцы испепелены... Македония подарена варварам; Этолия оставлена... римские граждане, которые вели дела в этих местах, почувствовали, что ты единственный пришел как грабитель, мучитель, разбойник и враг...»

Мысленно Страбон исходил всю Элладу. И, видимо, всегда вспоминал о ней с болью, которую не в силах скрыть его неторопливые, сугубо научные и объективные списания.

Города... Государства... Племена. От одних остаются руины, от других — только имена. Страбон флегматично перечисляет все реки, заливы, горы, приводит цифры: столько-то стадиев от того места до этого. И вдруг невзначай: Мессения — «страна ныне большей частью пустынная. Да и Лаконика теперь безлюдная, если сравнить с густой ее населенностью в прежние времена. Дело в том, что помимо Спарты там есть еще местечек тридцать, а ведь в древности, говорят, ее называли стоградной».

Аркадия! Пастушеская страна, прославленная поэтическими идиллиями... «Из-за полного запустения не стоит и говорить о ней подробно, ибо города, некогда зна-

менитые, разорены постоянными войнами. Земледельцы же исчезли с той поры, как большая часть городов объединилась в так называемый Мегалополь» (греч.: «Великий город»). Ныне же сам «Великий город» на себе испытал то, о чем говорил один комический поэт: «Великий город стал теперь великою пустыней».

А другие? Орхомен, Мантиней, у стен которой в 302 году до н. э. пал знаменитый фиванский полководец Эпаминонд, сокрушивший неодолимых спартанцев? Аркадских городов «больше нет, или же сохранились от них едва заметные следы».

Не спеша движется Страбон на север, в Среднюю Грецию. Нет, он не был и там. И все же... Беотия, страна семивратных Фив, города самой трагической судьбы во всей истории Греции. Страна, где в 479 году до н. э. (при Платеях) окончательно была разгромлена армия Ксеркса, после чего персы ушли из Эллады. Славная память о славных делах. Только все это происходило за пятьсот лет до Страбона. «Ныне же из всех беотийских городов существуют только Феспии и Танагра — от прочих остались лишь развалины и названия». Соседи же беотийцев — жители Этолии и Акарнании — «в настоящее время, как и многие другие племена, истощены и ослаблены непрерывными войнами». Воистину *sic transit...*

Римские императоры считали своей прямой обязанностью всячески подчеркивать расположение к Греции, и в первую очередь к Афинам. Правда, «школа Эллады» незаметно превратилась в некий фантом, символ, лишенный реального содержания. Жалкое настоящее вынуждало жить великим прошлым. Афины по-прежнему считались центром образованности, хотя и не могли больше быть им. «В Афинах, — утверждал Цицерон, — давно уже погибла ученость самих афинян, однако этот город продолжает оставаться обителью наук, которыми граждане не занимаются, а наслаждаются только иностранцы, как бы плененные именем и авторитетом города».

Тщеславные иностранцы не жалели средств, чтобы удостоиться почетного декрета афинян или просто купить за деньги афинское гражданство (Август, правда, запретил подобные сделки, унижающие достоинство целого города). Правители и чиновники демонстрировали свое преклонение перед искусством эллинов, без стеснения вывозя из Греции произведения знаменитых мастеров.

И ни у кого не вызывало удивления, что из Пирея уходят корабли, груженные... статуями (одно такое судно археологи обнаружили на дне моря в 1959 году!). А римские богачи, питавшие особое уважение к греческой философии, находили изысканное удовольствие в том, чтобы содержать при себе в качестве нахлебников философов из различных школ и потешаться, видя, как они яростно спорят друг с другом.

Страбон знал об унижительных подачках, которые запрашивали афиняне, и о раболепных декретах, в которых они возносили до небес заслуги тех, кто организовал какой-нибудь пышный праздник или провел водопровод. Писатель избегал говорить о том, что порочило Афины. И вообще о событиях последних десятилетий в истории Греции он сообщал крайне скупое, оживляясь лишь тогда, когда речь заходила о героических делах далеского прошлого.

Единственным городом, который не вызывал у него печальных размышлений, судя по всему, был Коринф. Именно его он и счел нужным посетить.

Коринф — город необычной судьбы. Среди самых знаменитых греческих полисов он единственный, подобно Фениксу, возродился из пепла и переживал новый расцвет. Милет, разгромленный в 494 году до н. э. Дарием, царем персов, так никогда и не оправился от катастрофы. Родина античной науки превратилась в захолустье, ни у кого не вызывавшее интереса. Фивы лежали в руинах. Спарта влачила жалкое существование. Афины уподоблялись беспомощному старцу, тщетно пытающемуся казаться полноценным человеком и возбуждающему себя воспоминаниями.

Коринф был молод, энергичен и деловит. Когда-то в VII—VI веках до н. э. он затмевал Афины великолепием зданий и памятников. Он славился изящной глиняной посудой, скульптурой, мебелью. Завоевавший у римлян популярность архитектурный ордер возник именно в Коринфе, так же как особый тип военного корабля — триера. Расположенный на Истме — перешейке, соединяющем Центральную Грецию с Пелопоннесом, Коринф находился на перекрестке путей, ведущих в Италию и Малую Азию. Коринфяне превратили город в крупный торговый центр и долгое время во всем опережали афинян.

Еще Гомер называл его «богатым». Страбон к этому добавляет: «Город коринфян всегда был великим и бо-

гатым. В нем было много опытных государственных деятелей и людей, искусно владевших ремеслами. Ибо здесь... искусство живописи, пластики и подобного рода ремесла достигли особенного процветания».

Коринф стал одним из зачинщиков Пелопоннесской войны, потрясшей в конце V века до н. э. всю Элладу. И он же сам подписал себе приговор, когда встал на сторону македонского царя, выступившего против Рима. Коринфяне, пишет Страбон, «не только принимали участие в ссорах с римлянами, но и сами относились к ним настолько презрительно, что некоторые осмеливались даже поливать помоями римских послов, проходивших мимо их дома. За это и другие оскорбления они понесли наказание: римляне послали против них значительные силы, и город был разрушен до основания Луцием Муммием». Так в 146 году до н. э. исчез прославленный город. А через два века о нем заговорили вновь — Юлий Цезарь «восстановил его, отправив туда колонистов». Остается только добавить, что Коринф возродился уже не как чисто эллинский город, а как деловой и торговый центр общеримского масштаба, связывавший восточные и западные провинции обширного единого государства.

Отсюда же в разные уголки Греции направлялись туристы. Римляне обычно посещали известные места. Экзотические, но неисследованные районы их не привлекали. Туристов не видели ни в германских землях, ни во Фракии, ни в Британии. Они отдавали предпочтение традиционным маршрутам. А те вели прежде всего в Грецию. Всем хотелось прикоснуться к величественному прошлому, поглядеть, пощупать памятники старины, о которых говорили повсюду и которыми обязан был восторгаться каждый уважающий себя человек.

И тянулись толпы странников в некогда прославленные города, религиозные центры — Элевсин и Дельфы, где все еще продолжала пророчествовать пифия. Дельфы при Страбоне впали в крайнюю нищету. Ведь богатство, по словам Страбона, «возбуждает зависть, а потому его трудно уберечь от завистников, даже если оно посвящено богам». И далее, столь же бесстрастно: «Ныне дельфийское святилище весьма бедно, а некоторые из посвященных приношений разграблены».

По-прежнему масса зрителей и участников стекалась на игры, особенно Олимпийские. Лавровый венок оспаривали на них знатные римляне и даже императоры.

Спрос рождал предложение. И десятки гидов водили любознательных чужестранцев по наиболее известным местам, рассказывая были и небылицы, смешивая историю и мифы, объясняя непонятные события и явления. Уже тогда знали, чем поразить воображение. Удивительная гармония тела. Поразительная соразмерность частей храма. Тонкость моделировки. Все это, конечно, очень интересно, но сложно. А вот не угодно ли — след трезубца на скале, оставленный Посейдоном, когда он оспаривал у Афины право владычествовать в Аттике. Или яйцо лебедя, в образе которого Зевс явился соблазнять Леду (его показывали в Спарте). Или источник (близ Тира), у которого Александру Македонскому приснилось, что он покорит этот город.

Гиды успешно осваивали достопримечательности и за пределами Эллады. А что могло привлечь путешественников на окраине греческого мира? Конечно же — Илиоп (Троя). И экскурсоводы уверенно показывали, где располагались войска греков и троянцев, где сражались Ахилл с Гектором, где стоял роковой деревянный копь — выдумка хитроумного Одиссея, где похоронен Ахилл. Туристов водили в пещеру, где легкомысленный Парис, сын царя Приама, неосторожно присудил злополучное «яблоко раздора» Афродите, вызвав тем самым десятилетнюю Троянскую войну, воспетую Гомером и проклятую побежденными и победителями.

В предприимчивости гидам не уступали ремесленники и торговцы, обслуживавшие туристов. Давно замечено: одним важнее увидеть, другим — рассказать об этом. Отсюда — тяга к сувенирам: у одних — чтобы помнить, у других — чтобы хвалиться.

У подножия Акрополя бойко торговали копиями Афины-Девы Фидия и мраморными саркофагами, в Эфесе предлагали вычеканенные из серебра изображения храма Артемиды; доверчивые туристы охотно приобретали глиняные или стеклянные сосуды, украшенные орнаментами и изображениями популярных храмов или «чудес света».

Поразительно, однако, что ни один писатель древности не сообщает о том, что пресловутые «семь чудес света» являлись целью путешествий и входили в специальный маршрут. Но в отдельности то или иное «чудо» старались посмотреть многие. И Страбон не составил исключения.

В его эпоху твердо знали, что «чудес» действительно семь. Впервые их называли так в III веке до н.э., но долго не было единодушия из-за того, что включать в их число.

Не вызывали споров пирамиды, храм Артемиды Эфесской, Колосс Родосский, статуя Зевса Олимпийского и мавзолей в Галикарнасе. Висячие сады Семирамиды нередко заменяли стенами Вавилона, а вместо Фаросского маяка чудом называли Александрийскую библиотеку или алтарь Зевса в Пергаме.

Страбон поведал о пяти сооружениях, удостоенных звания «чудес света», — поведал неторопливо, не слишком обстоятельно и без всякого восторженного трепета. Садов в Вавилоне в ту пору уже не существовало. Статуе Зевса Олимпийского, созданной Фидием в 30-х годах V века до н.э., он уделил немало хвалебных строк, но почему-то... забыл аттестовать ее как «чудо света». Впрочем, подобная забывчивость распространялась на храм Артемиды Эфесской и на Фаросский маяк, которые он видел воочию.

Скороговоркой сообщает он, что мыс острова Фароса — «это скала, омываемая морем; на ней находится удивительная по своей архитектуре многоэтажная башня из белого мрамора. Башню эту принес в дар Сострат из Книда, друг царей, ради спасения мореходов, как гласит надпись». Ни слова о том, когда создан маяк (в 280 году до н.э.), какова его высота (сто двадцать метров!), как сложная система металлических зеркал усиливала свет от огня, распространяя его на пятьдесят—шестьдесят километров. Все маяки, которые потом создавали античность и средневековье, явились лишь жалким подобием Фаросского. А Страбон — непонятно отчего — крайне скуп в своем рассказе.

Чуть подробнее поведал он об Артемисионе — храме Артемиды в Эфесе, в основном, правда, перечислив, кем, как и на чьи средства строилось это святилище, и лишь мимоходом упомянув имена архитекторов и печальной памяти Герострата. Храм строился сто двадцать лет и был завершён к 450 году до н.э. Он поражал не только строгостью, но и стройностью, легкостью, изяществом. Простоял он почти сотню лет — до того самого дня, когда честолюбивый эфесец Герострат решил прославиться и поджег храм. И между прочим, добился своего. Хотя в греческих государствах приняли специальное постанов-

ление, запрещавшее упоминать о Герострате, даже когда речь заходила о пожаре в Эфесе, имя его пережило века. А храм? Артемисион отстроили заново, почти без изменений повторив прежнюю модель. Украшенный скульптурами Праксителя, Скопаса, храм превратился в богатейший музей и пользовался огромной популярностью в римское время. Страбона, однако, он, очевидно, не трогал. Во всяком случае, ему интересней было рассказывать не о святилище, а о самом Эфесе и его жителях, с которыми некогда рассорился Гераклит, обвинявший сограждан в том, что они не способны оценить выдающихся людей и потому заслуживают жестокой расправы.

В Карии (на юго-востоке Малой Азии) Страбон не был. Но о столице ее — Галикарнасе — сообщает подробно и с удовольствием. Особенно — о гробнице царя Мавзола, умершего в 353 году до н. э. Усыпальницу эту (достигавшую сорока шести метров в высоту и семидесяти семи в длину!) соорудила жена (она же и сестра) царя Артемисия, сумевшая привлечь к работе Скопаса, Леохара и других выдающихся мастеров. Их искусство и превратило гробницу в «чудо света» (просуществовавшее до XV века и оставившее в лексиконе величественное слово «мавзолей», обязанное своим происхождением ничтожному, забытому царьку).

По соседству с Карией, на острове Родосе, высилась когда-то тридцатиметровая статуя бога солнца Гелиоса, покровителя родосцев. Стройный юноша с лучистым венцом на голове, поднявшись во весь свой невероятный рост, приложив руку ко лбу, напряженно всматривался вдаль. Статуя рухнула в 22 году до н. э., не выдержав землетрясения. И поднять бронзового гиганта, у которого оказались перебиты ноги, не удалось. Тем не менее и через триста лет Плиний Старший напишет: «Даже теперь, когда Колосс лежит на земле, он поражает и восхищает». А Страбон с уважением отметит: «Колоссальная статуя Гелиоса лежит на земле, поверженная землетрясением и переломленная у коленей. Это — самое лучшее из дароприношений богам, во всяком случае статуя всеми признается как одно из семи чудес света».

И наконец, древнейшее «чудо» (единственное, сохранившееся до наших дней!) — египетские пирамиды, две из которых (Хеопса и Хефрена), по словам Страбона, «тоже причисляют к семи чудесам света — ведь они достигают стадия в высоту, четырехугольные по форме,

а высота их немного больше длины каждой из сторон» (на самом деле высота пирамиды Хеопса — 147 метров, а длина сторон — 233 метра!).

Через 1200 лет после Страбона один арабский писатель произнесет фразу, которой суждено будет стать хрестоматийной: «Все на земле боится времени, но время боится пирамид». Чудовищные памятники человеческого тщеславия будоражили воображение и наводили на размышления о ничтожности и бренности всего сущего на земле. Подобные раздумья путешественники запечатлевали на камнях, составлявших пирамиды. Правда, не все надписи, которыми они испещрены, в одинаковой мере глубокомысленны. Как до Страбона, так и после него находилось немало любителей просто оповестить мир о своем скромном существовании в надежде, что их имя переживет века. И они не стеснялись. Пирамиды, гробницы, гигантские статуи несут на себе и поныне тысячи имен, дат, изречений и даже стихов, написанных на самых разных языках — как живых, так и давно умерших. Автографа Страбона, правда, среди них нет. И вообще не видно, чтобы первое и древнейшее «чудо света» (а Страбона отделяет от эпохи пирамид в полтора раза больше столетий, чем нас от него) хоть как-то взволновало его. Еще удивительней, что он ни единым словом не обмолвился о Большом сфинксе — высеченном из скалы двадцатиметровом существе с туловищем льва и головой человека (как считают — фараона Хефрена). «Отцом трепета» почтительно назовут его арабы. У Страбона он не вызовет даже простого интереса.

Остается предположить, что Страбон и в самом деле не хотел писать об общеизвестном, особенно если это не было непосредственно связано с чисто географическими задачами. Зато когда он касался фактов и событий, не находивших отражения у его предшественников, обычная его сдержанность исчезала, и суховатый ученый уступал место наблюдательному и словоохотливому рассказчику.

В Египте Страбон бывал не раз. Он подолгу жил в Александрии — знаменитом центре науки и культуры, который тоже гордился своим прошлым. Его он исходил вдоль и поперек и описал столь детально, что сейчас без труда по этому описанию можно составить план города, созданного в конце IV века до н. э. в дельте Нила к вящей славе македонского царя-завоевателя, милостиво разрешившего почитать себя как бога.

Наверняка, находясь в Александрии, Страбон беседовал с учеными и философами, жившими в храме муз— Мусее: «Мусей является частью помещений царских дворцов; он имеет место для прогулок и большой дом, где находится общая столовая для ученых, состоящих при Мусее. Эта Коллегия ученых имеет не только общее имущество, но и жреца — правителя Мусея, который прежде назначался царями, а теперь Цезарем [т. е. императором]. К дворцовым помещениям относится также Сема. Это — огороженное пространство, где находятся гробницы царей и Александра. Дело в том, что Птолемей, сын Лага, успел отнять у Пердикки тело Александра, когда тот перевозил его из Вавилона, и свернул в Египет... Птолемей перевез тело и предал погребению в Александрии, где оно находится и теперь, однако не в том саркофаге, что первоначально, ибо Птолемей положил покойника в золотой саркофаг, а нынешний гроб — из прозрачного камня. Похитил же саркофаг Птолемей, которого прозвали «Багряным» и «Узурпатором» [видимо, Птолемей XI]».

Увлеченный столь эффектными деталями, которые, конечно же, были интересны будущим читателям его книги (и пожалуй, нам — не меньше, чем современникам писателя!), Страбон, как ни странно, забыл упомянуть об одном учреждении, услугами которого он не мог не воспользоваться. Александрийскую библиотеку, хранившую свыше полумиллиона свитков, иногда называли «чудом света» за то, что она была уникальной сокровищницей мудрости. Частично пострадав во время пожара в 47 году до н. э. (когда Юлий Цезарь усмирлял восставших александрийцев), она вскоре пополнилась рукописями из Пергамской библиотеки. Страбон во всяком случае мог там заполучить самое редкое произведение любого писателя, ученого, философа, которые его интересовали. Невозможно вообразить, чтобы тот необъятный материал, который вошел в «Географию» (а цитируются там почти полторы сотни авторов!), Страбон собрал и изучил в своем родном захолустье или даже в самом Риме.

Но усиленные занятия наукой не превратили Страбона в кабинетного ученого. И когда представилась возможность совершить путешествие в экзотические края — чуть ли не на край ойкумены, он, естественно, не пренебрег ею.

В 26—24 годах до н. э. Египтом управлял наместник Элий Галл. Октавиан Август отлично понимал, как важна для римлян эта богатейшая провинция. Возглавлявший ее префект был полновластным господином, подчинявшимся только императору и, по словам Страбона, «замещавшим царя». Август и его преемники ревниво относились к своей власти в провинции и следили за тем, чтобы кто-нибудь не приобрел там слишком большого влияния. Во времена Страбона сенаторам и знатым всадникам было даже запрещено вступать на египетскую землю без именного разрешения. Когда в 19 году племянник Тиберия приехал туда как обычный турист, император строго выговаривал ему за это.

Элия Галла Страбон характеризует как «человека, ко мне расположенного, и близкого друга». И вот «когда Элий Галл был префектом Египта, я поднялся по Нилу и состоял в его свите вплоть до Сиены и границ Эфиопии». Маршрут не отличался новизной. Тысячи путешественников, устремлявшихся в страну фараонов, двигались тем же путем по узкой долине Нила, зажатой между пустынями и скалами и усеянной памятниками.

Четверть века назад здесь побывал Юлий Цезарь. Летом 47 года до н. э. он совершил двухмесячное плавание к верховьям Нила. Четыреста кораблей и лодок сопровождали пятидесятитрехлетнего диктатора, шумно демонстрировавшего любовь и дружеские чувства к египетскому населению и его правительнице — двадцатидвухлетней Клеопатре.

Но Цезарь, как известно, питал особое пристрастие к одному литературному жанру — военным мемуарам. И в них не нашлось места для описаний его путешествия. Страбон с успехом восполняет этот пробел. Семнадцатая книга «Географии» больше напоминает путевой дневник, чем научное сочинение. Она насыщена такими неожиданными подробностями, которых не найти ни у одного античного автора.

Из Александрии дорога вела прежде всего к Канопу (близ современного Абукира), с которым ее связывал двадцатикилометровый канал. Обычно в путь отправлялись на маленьких судах под звуки флейт. Берега были застроены маленькими гостиницами, наперебой зазывавшими клиентов. На полпути, в Элевсине, делали первую остановку, ибо там «есть беседки и вышки с открывающимися оттуда красивыми видами для желающих ку-

тить — как мужчин, так и женщин. Это как бы начало «Канопской жизни» и принятого там легкомыслия».

В самом Канопе Страбона заинтересовал храм Сераписа, где усыпляли больных, чтобы те во сне получили от оракула указания насчет их исцеления. Но таких страждущих с трудом можно было различить в толпе, которая приезжала сюда прежде всего развлекаться. «Удивительное зрелище представляет толпа людей, спускающихся вниз по каналу из Александрии. Каждый день и каждую ночь народ собирается на лодках, играет на флейтах и предается необузданным пляскам и крайней распушенности... В веселье участвуют и жители самого Канопы, которые содержат на канале гостиницы, предназначенные для отдыха и увеселений подобного рода».

Из Канопы часть туристов, искавших иных наслаждений, отправлялась дальше на юг — к Гелиополю. Там кончалась дельта и начинался собственно Нил. Мемфис — озеро Мерида — Абидос — Фивы — Сиена — острова Элефантина и Филе. Каждое название приводит Страбона в трепет. За ними — события далеких веков. За ними — тайны и легенды.

Куда девается привычная сдержанность? Страбон увлекается настолько, что иногда забывает о том, какое сочинение он хочет преподнести читателю. Переполненный впечатлениями, он щедро выплескивает их наружу, не заботясь о том, чтобы отделить главное от второстепенного, научную информацию от художественных красот. Но может быть, именно необязательные подробности, к тому же лично увиденные, и делают его книгу особенно красочной, а главное — неповторимой.

Страбон готовился к этому путешествию. Он знал историю Египта при фараонах, под властью персов и при Птолемеях; он знакомился с его памятниками, о которых рассказывалось в трудах многих писателей. С иронией слушал он болтовню гидов, доверяя лишь собственным знаниям да сведениям, полученным от жрецов — к ним он всегда относился с почтением.

«В Гелиополе я видел большие дома, в которых жили жрецы, ибо в древнее время, по рассказам, этот город как раз был кварталом жрецов, занимавшихся философией и астрономией. Теперь же это объединение перестало существовать и его занятия прекратились. В Гелиополе я не обнаружил ни одного руководителя таких за-

нятий, а только жрецов, совершающих жертвоприношения и объясняющих чужеземцам смысл священных обрядов. Во время путешествия префекта Элия Галла в Верхний Египет его сопровождал какой-то человек из Александрии... выдававший себя за знатока подобного рода вещей, но его обычно высмеивали как хвастуна и невежду».

В Мемфисе — первой, самой древней, столице Египта — Страбон мимоходом упоминает о единственных уцелевших свидетелях его истории — пирамидах, а затем переключает свое внимание на... священного быка Аписа, который, по египетским верованиям, считался воплощением бога Пта. Не всякое животное могло удостоиться подобной чести. Бык должен был обладать двадцатью восемью (!) признаками — особым цветом шерсти, сочетанием белых и черных пятен, определенной формой рогов и т. п. Когда Апис умирал, наступал всеобщий траур. Хоронили же быков в Серапеуме, на кладбище священных быков (с VII века до н. э. их бальзамировали и помещали в гранитные саркофаги).

В эпоху Страбона Апис чаще выступал в более прозаическом амплуа — он стал приманкой для туристов: «В Мемфисе есть... храм Аписа, где содержат священного быка, которого почитают как бога». Его можно разглядеть в окно святилища, но «в известный час животное выпускают во двор, особенно для показа чужеземцам, которые желают видеть его снаружи».

Из Мемфиса путь лежал к Меридову озеру, близ которого находилась удивительная постройка, возведенная в XIX веке до н. э. фараоном Аменемхетом III. За пятьсот лет до Страбона потрясенный Геродот писал: «Если бы собрать все стены и великие строения, воздвигнутые эллинами, то оказалось бы, что на всех них затрачено меньше труда и денежных средств, чем на один этот лабиринт. Конечно, пирамиды — это огромные сооружения, и каждая по величине стоит многих творений эллинов... Однако лабиринт превосходит и пирамиды... Он выше всякого описания»¹¹.

Менее впечатлительный Страбон спокойно информирует о том, что «есть лабиринт — сооружение, которое можно сравнить с пирамидами [все-таки с ними и ни с чем иным!], а рядом с ним гробница царя, строителя лабиринта». Подробно рассказав об этом крытом одноэтажном здании, занимавшем площадь в семьдесят две

тысячи квадратных метров, Страбон объясняет, почему в нем было так много помещений: «Говорят, что такое количество залов сделано из-за того, что в силу обычая здесь собирались все номы [административные единицы в Древнем Египте], в соответствии со значением каждого вместе со жрецами и жрицами для совершения жертвоприношений, принесения даров богам и решения важнейших судебных дел. Каждому ному отводился специальный зал».

Из всех, кто писал о лабиринте, Страбон — единственный, кто раскрыл политический смысл этого загадочного дворца. Аменемхет III стремился создать сплоченное государство. Огромный лабиринт символизировал весь Египет, объединенный могучей властью фараона, связывающей народ и страну в одно целое.

С этим фараоном Страбон встретился еще раз в Фивах. Туда, к «городу мертвых», где у подножия отвесных скал, за которыми начиналась пустыня, высились заупокойные храмы, а в самих скалах скрывались гробницы вельмож и знати, устремлялись толпы путешественников (днем) и грабителей (ночью). И конечно, никто не мог миновать гигантских сидящих статуй Аменемхета III, которых именовали колоссами Мемнона (эфиопского царя, погибшего под Троей от руки Ахилла). Дело в том, что одна из статуй при восходе солнца начинала... петь. Объяснялось это, видимо, тем, что рано утром, когда резко менялась температура, из трещин и щелей в камнях выходил воздух, производя необычный звук.

Страбон своими глазами видел трогательные признания, начертанные на ногах двадцатиметровых фигур: «Я слышал Мемнона».

Но, не зная истинных причин явления, Страбон, доверяя собственным ушам, все же не отваживается утверждать что-либо категорично: «Из двух стоящих здесь поблизости друг от друга колоссальных статуй из цельного камня одна сохранилась, верхние части другой... как говорят, из-за землетрясения обрушились. Есть поверье, что из части статуи, оставшейся на троне и на пьедестале, раз в день раздается звук, будто от слабого удара. Когда я находился в этих местах вместе с Элием Галлом в большой свите его спутников — друзей и воинов, — мне также довелось слышать этот звук... однако я не могу определенно утверждать, исходил он от пьедестала или

колосса, либо же его намеренно производил кто-нибудь стоящий поблизости...»

Достигнув границ Эфиопии, то есть почти края ойкумены, Страбон почувствовал себя удовлетворенным. Хотя историк Тит Ливий и назвал римлян «племенем, всегда стремящимся в дальние места», за пределы завоеванных территорий они все же обычно не проникали, да и не стремились проникнуть. Их любопытство корректировалось практицизмом, и они вполне обходились самыми невероятными рассказами, услышанными от случайных людей. Страбон, признававшийся, что большую часть сведений так или иначе приходится получать из чужих уст, пытался даже оправдать это, приводя в пример полководца, который отдает приказы, исходя из донесений, а вовсе не из того, что ему удастся увидеть самому. И тот, кто считает, что какое-либо явление знают только те, кто его видел, явно недооценивает другого фактора, связанного с устной передачей, «хотя для научных целей это гораздо важнее, чем зрение».

Как нередко случалось, практика писателя опровергала его теоретические построения. Самые интересные, яркие и достоверные части труда Страбона как раз те, которые написаны им как очевидцем, непосредственным наблюдателем. А повидать ему удалось все-таки немало. Во всяком случае достаточно, чтобы с гордостью заявить: «Сам я совершил путешествие к западу от Армении вплоть до областей Тиррении [Этрурии], лежащих против острова Сардинии, и на юг — от Евксинского Понта до границ Эфиопии. Среди других географов, пожалуй, не найдется никого, кто бы объехал больше земель из упомянутых пространств, чем я. Ибо те, кто проник дальше меня в западные районы, не добивались до столь отдаленных пунктов на востоке, а те, кто объездил больше мест в восточных областях, уступают мне в отношении западных. То же можно сказать и относительно стран, лежащих на юге и севере».

СТРАБОН ВЫБИРАЕТ ЧИТАТЕЛЯ

«Я считаю, что наука география, которой я теперь решил заниматься, так же как и всякая другая наука, входит в круг занятий философа. Что этот взгляд правилен, ясно по многим причинам. Ведь те, кто

впервые взял на себя смелость ей заняться, были, как утверждает Эратосфен, в некотором смысле философы: Гомер, Анаксимандр из Милета и Гекатей, его соотечественник; затем Демокрит, Евдокс, Дикеарх, Эфор и некоторые другие их современники. Философами были и их преемники: Эратосфен, Полибий и Посидоний. С другой стороны, только большая ученость и дает возможность заниматься географией.

Так начинается труд Страбона — эта географическая и этнографическая энциклопедия античности. Сразу же — предупреждение: не ждите легкого, развлекательного чтения. Достойная цель требует достойного отношения. И, как сказали бы сейчас, соответствующей подготовки. «Уже многие утверждали, что для занятия географией необходимо широкое образование». И, ссылаясь на астронома Гиппарха, Страбон поясняет, что нельзя постичь тайны этой науки, не разбираясь, например, в небесных явлениях, не умея производить вычисления, не изучив свойств атмосферы. Но тогда — для кого же его книга?

Римский практицизм уже вошел в поговорку. И его связывали не только с римлянами, но и со всей эпохой римского господства, с романизацией Средиземноморья. Поистине прагматизм стал духом времени. Художественное творчество, абстрактные гуманитарные науки, «чистую» философию римляне отдавали грекам. Сами же себя они считали практиками — строителями, юристами, законодателями, администраторами, ораторами и, конечно, воинами. И они гордились не комедиями Плавта и Теренция, не лирикой Овидия, не фресками и не статуями, а дорогами, крепостями, юридическими кодексами, агрономией. Перерабатывая эллинское наследие, римляне трезво, без всякой восторженной сентиментальности приспособливали его к своим нуждам или... отбрасывали, как бесполезное (кого, например, могла увлечь старомодная, некогда великая греческая трагедия, когда в цирке выступают гладиаторы!).

Плиний Старший был беспощаден к своим соплеменникам. При римских порядках, писал он, когда были открыты все земли и моря, научные достижения из-за слабой поддержки были не очень значительны. Причина — сугубо меркантильный подход к вещам, стремление всюду извлечь выгоду, непосредственную и скорую. Вергилий в «Энеиде» вполне серьезно оправдывал равнодушие римлян к астрономии, утверждая, что им не

суждено изучать движение звезд и небес, ибо их задача — управлять миром и приучать народы к созидательной жизни.

Географию Цицерон считал «довольно неясной наукой», и в географическую теорию римляне по существу ничего нового не внесли. Что, конечно, вовсе не мешало им обзаводиться географическими картами, путеводителями, читать сочинения, где красочно описываются путешествия в экзотические края. Для такого «широкого» читателя и создавалось большинство географических произведений. Эта описательная география (теперь ее назвали бы страноведением) преследовала вполне практическую цель и знакомила с природой, климатом, историей, нравами и обычаями отдельных районов земли. Так писал, в частности, Полибий, которому география нужна была прежде всего для того, чтобы правильно отобразить военные мероприятия и походы.

Во времена Страбона, когда новое слово в гуманитарных науках (кроме истории) почти никем не произносилось, когда процветали энциклопедии, обобщающие труды, сборники, собрания цитат, переложения научных трудов и т. п., когда систематизация вытесняла творческую мысль, география подчас сводилась к перечню названий мест и народов с указаниями расстояний между различными пунктами. Так нередко писал, например, Плиний Старший, посвятивший географическим проблемам четыре книги (из тридцати семи) своей энциклопедической «Естественной истории». Собственно, проблем, строго говоря, не существовало. Уныло двигался он по карте, монотонно перечисляя: «У самого входа в Боспор расположен могущественный город Пантикапей Милетский [Керчь], в 37 тысячах шагов от Феодосии и в 2500 шагах от Киммерика по ту сторону пролива... Ширина Киммерийского Боспора 12,5 тысячи шагов, на нем города — Гермисий, Мирмекий, а на Меотиде [Азовское море] — остров Алопека. По побережью вплоть до Танаиса [Дон] живут меотийцы, за ними — аримаспы. Затем идут Рипейские горы и область, где постоянно выпадает снег, похожий на перья». И столь же бесстрастно заключает: «Эта часть света осуждена природой и погружена в густой туман. Там может рождаться только холод и храниться ледяной Аквилон».

Вопросов не возникает. Проблем — тем более. Ученому не пристало удивляться, будто он неуч. Недаром еще

Посидоний утверждал, что «изумляться свойственно людям неразумным, когда они имеют дело с вещами выше их понимания». И вот без каких-либо признаков удивления, как о чем-то вполне естественном Плиний сообщает о гиперборейцах, которые не знают ни раздоров, ни недугов и умирают только тогда, когда устают жить: «старик, отпировав и насладившись роскошью, прыгают с какой-нибудь скалы в море».

И вдруг неожиданно, как вздох: как мала земля, «место нашей славы, где мы занимаем должности, управляем государством, стремимся к богатству, ведем войны!»! А ведь удел каждого — полтора метра земли. (Замечу, что сказано это за 1000 лет до мудрого Омара Хайяма и за 1600 лет до всепонимающего принца Гамлета.)

Суховатой и маловыразительной компиляцией, пользовавшейся, однако, спросом, была первая латинская книга по географии — «О положении Земли», принадлежавшая современнику Страбона Помпонию Меле. Автор откровенно объявил, что его цель не слишком сложна: «дать перечень названий народов и мест в определенном порядке». Но, верный принципам описательной географии, он всячески расцвечивает скучный материал красочными деталями, смешивая воедино точное с неверным, а то и просто с абсурдным, при этом ничуть не сомневаясь в правильности своих источников: «Рассказывают — а кроме того, я встречал это и в книгах, заслуживающих доверия, — что на островах (Балтийского моря) живут озоны, которые питаются только яйцами болотных птиц и овсом, что у других жителей этих островов — конские ноги, а у третьих — такие большие уши, что обволакивают все тело и служат им единственной одеждой».

Представители противоположного, астрономо-математического направления считали, что в географических сочинениях не должно быть никаких художественных красот, никаких рассуждений об истории, нравах и т. п. Географ должен прежде всего быть точным. Его дело, его цель — выяснение формы и размеров земли, составление карт, определение координат. На этом построил свое «Руководство по географии» астроном, физик, геометр и географ Клавдий Птолемей (90—168 годы). С точки зрения Птолемея, Страбон был всего лишь «хрографом», т. е. «описывающим местность», тогда как

истинная география — это «линейное изображение известной ныне части земли со всем, что к ней относится».

Ученые типа Птолемея не искали славы у широкой публики и не заботились о том, чтобы их читали непосвященные. Они адресовались к узкому кругу специалистов, и, вероятно, поэтому их труды особой популярностью не пользовались. Могло ли вызвать что-нибудь, кроме скуки, такое, например, изложение: «За устьем реки Вистулы [Вислы], которое находится под 45° долготы и 56° широты, следуют: устья рек Хрона [Преголя], Рувона [Неман], Турунта [Вента], Хесина [Западная Двина]... Предел Сарматии по меридиану, проведенному через истоки Танаиса, ограничен 54° долготы и 53° широты... Заселяют Сарматию очень многочисленные племена: венеда — по всему Венедскому заливу, выше Дакии — певкины и бастарны, по всему берегу Меотиды — язиги и роксоланы, далее, в глубь страны, — амаксобии и скифы-аланы. Менее значительные племена, населяющие Сарматию, — следующие [далее — перечень названий 12 племен]. Восточнее живут... [еще 7 названий]. Затем... [следует перечисление еще 33 племен]».

Птолемея, которого иногда (и вряд ли справедливо) называют вершиной античной географии, интересовало точное положение отдельных пунктов, а не сущность географических явлений. Его сочинение, говорил Гумбольдт, — «математическое, почти полностью лишенное физических воззрений и обработанное в сухотабличной форме». Правда, возникло оно как естественная реакция на чисто описательный подход к географии, который явно преобладал в тогдашних сочинениях.

Сухо Страбон писать не желал. Не только потому, что это не соответствовало его вкусам и интересам. Он прежде всего хотел, чтобы его читали с увлечением и пользой. Он ориентировался на образованного читателя, но не на ученого, а на практического деятеля, политика, полководца, а возможно, и на философа, историка, которым без географии не обойтись.

«Эта книга должна быть полезна вообще — одинаково для государственного деятеля и для широкой публики. Говоря о политике, я имею в виду... человека, усвоившего известный цикл наук, обычный для людей свободно-рожденных или занимающихся философией». В другом месте Страбон высказывается еще откровенней: «Читатель этой книги не должен быть настолько простоватым

и недалеким, чтобы прежде не видеть шара и кругов, начертанных на нем, из которых одни — параллельны, а другие проведены под прямыми углами к ним... Читатель не должен быть так необразован, чтобы не иметь понятия о положении тропиков, экватора и зодиака. Если кто-нибудь хотя бы поверхностно не знаком с этим... он не сможет понять того, что сказано в данном сочинении».

Большая часть географии, утверждает Страбон, служит нуждам государства, ибо арена деятельности государства — земля и море. Правители, руководящие народами и объединяющие под своей властью разные области, должны иметь представление о всей земле: где что расположено, что известно, а что еще не исследовано, где какой климат, почва, рельеф. География полезна и в конкретных мелких делах, — когда нужно разбить лагерь, организовать засаду, совершить переход, но еще более она нужна в великих предприятиях. Незнание ее нередко приводило к позорным поражениям. Поэтому географ, как и историк, всегда должен в первую очередь заботиться о пользе и достоверности своего труда.

Но не только эту «пользу» имеет в виду Страбон. Географ не должен забывать, что он не просто ученый, но и философ, призванный наставлять читателей. Поэтому необходимо описывать не только природные особенности той или иной области, но обязательно рассказывать о нравах и обычаях различных племен, об их государственном устройстве, дабы выставлять их в качестве образцов для подражания либо, наоборот, в целях предостережения.

«Первое же и самое главное — как для научных задач, так и для нужд государства — это попытаться описать по возможности наиболее просто форму и величину той части земли, которая помещается в пределах нашей географической карты, отметив все характерные особенности». Об остальных же областях, лежащих за пределами обитаемой земли, распространяться излишне. Неоткрытые места интереса не представляют, и гадать о них незачем.

Но сводить науку только к удовлетворению практических нужд тоже неверно. В каждодневной жизни люди руководствуются привычными житейскими представлениями и вполне обходятся без выяснения сути географических явлений, например, почему восходит и заходит

солнце. Не для них должен писать географ и «не для жнеца или землекопа, а для человека, которого можно убедить в том, что земля в целом такова, как ее представляют математики... В том, что географ считает основами своей науки, он должен полагаться на геометров, которые измерили землю, геометры в свою очередь — на астрономов, а те — на физиков». Без физики и математики, утверждает Страбон, невозможно описать землю. И тут же предостерегает: не надо только подменять географию сухими вычислениями, не надо применять к ней методы других наук.

Обойтись без математики и астрономии Страбон не мог. Но в них он не разбирался настолько хорошо, чтобы всякий раз выносить оценки, оспаривать те или иные положения. Поэтому он прибегает к цитатам и пользуется чужими аргументами, заимствуя их из трудов авторитетных, с его точки зрения, ученых — Эратосфена, Гиппарха, Посидония. Но в общем проблемы физической географии Страбона мало занимают. Как истинный адепт учения стоиков, он вообще не слишком озабочен неясными или спорными естественнонаучными вопросами и вовсе не стремится досконально разобраться в сути различных природных или космических явлений. Главное — информация. По возможности полная и объективная. С изложением самых противоречивых суждений. И с отказом от самостоятельных выводов.

Нравилась ли такая позиция его читателям? Нашли ли «География» своего адресата? История молчит. И молчание это — тревожно. Конечно же, политическим и военным деятелям было недосуг вникать в тонкости страбоновских описаний, и вряд ли кто-нибудь из них обратился бы к этому труду, разрабатывая планы экспедиций и походов. Ученым он почти ничего нового не общал. А любителю увлекательного чтения он наверняка показался бы скучным.

Своего читателя Страбон в конце концов нашел. Правда, не там, где хотел, и не того, на кого рассчитывал. Его внимательно стали изучать через... пятьсот лет. И не политики, а ученые. Правда, ученые — византийцы. Именно они по достоинству оценили колоссальный труд Страбона, который по сути дела не был замечен римлянами.

Крылатая фраза настойчиво рекомендовала один раз увидеть вместо того, чтобы сто раз услышать.

Страбон придерживался иной точки зрения. Главное для ученого — охватить предмет в целом, не отвлекаясь на мелкие детали. А значит, важнее всего — не чувства, не зрение, а ум — холодный, трезвый рассудок, способный воссоздавать целостную картину, обобщать, делать выводы.

Но это необходимо, когда материал собран. А как его раздобыть? Ведь ясно, что никому не под силу объехать всю землю, чтобы рассказать о ней. Стало быть, волей-неволей приходится полагаться на других. Желательно, конечно, на очевидцев — путешественников, воинов, купцов, хотя многим из них доверять опасно и нужно обязательно сравнивать их сообщения со сведениями других людей. «Очевидность и согласие всех свидетельских показаний достоверней данных любого инструмента». В этом собственно и видел Страбон свою задачу. В конце концов сочинений, описывавших землю или отдельные ее части, появлялось немало — и сугубо научных, и рассчитанных на широкую публику. Одни писатели вызывали полное доверие, к другим относились с сомнением, третьи явно хотели просто развлечь читателей небылицами.

Собрать воедино всю информацию о мире, сопоставить известия, выявить противоречия, устранить ошибки — вот этого до Страбона еще не делал никто.

В конкретных описаниях он привлекает прежде всего очевидцев. Им он всегда отдаст предпочтение; иногда сравнивает с ними других авторов, писавших понаслышке, а то и вовсе переписывавших чужие труды.

Из Полибия Страбон выбирает именно те сведения, которые тот мог получить на основании личных впечатлений, во время плаваний по морям. Посидония, побывавшего в Иберии, он использует, когда заводит речь о западе Европы. Говоря об Индии, он обращается к Эратосфену, писавшему под свежим впечатлением от открытия этой страны, и к спутникам Александра Македонского, сопровождавшим его в походах. Не пренебрегает Страбон и рассказами современников, особенно тех, кого считал своими друзьями. «Многие специфические

особенности Аравии, — пишет он, — стали известны благодаря недавнему походу римлян против арабов, который был совершен в наше время под предводительством Элия Галла».

И все же взор ученого чаще обращен в прошлое, к его предшественникам. Ибо слишком уж несоизмеримы заслуги прежних великих ученых и путешественников и современных ему географов. Правда, события последних веков, разумеется, расширили представления о мире. Стало ясно, в чем ошибались и Гомер, и Геродот, и Посидоний, и Эратосфен. Но, уточняя и критикуя своих предшественников, Страбон тем не менее отталкивается во многом от них. Более того, он специально разъясняет, что именно с ними, как с достойными учеными, и следует спорить, потому что другие попросту не заслуживают никакого внимания.

Походы римлян, признает Страбон, познакомили с некоторыми новыми областями, особенно в Европе (Галлия, Британия, Германия, альпийские области) и Азии (Кавказ, берега Каспия). «Все эти области прежним географам были недостаточно известны. Поэтому я могу сказать о них несколько больше моих предшественников. Особенно это станет ясно, когда я буду им возражать. Однако возражения мои меньше относятся к ранним географам, чем к Эратосфену и его преемникам. Ибо, поскольку они располагали более обширными сведениями, чем большинство географов, то позднему ученому, очевидно, труднее будет обнаружить их ошибки. И если я все же вынужден возражать в чем-то именно тем людям, которым я ближе всего следую, то меня надо извинить. Я ведь отнюдь не собираюсь критиковать всех вообще географов — большинство их трудов, которым не стоит подражать, и я не рассматриваю. Я буду высказываться только о тех, чьи мнения обычно правильны. Поэтому вполне достаточно критиковать Эратосфена, Гиппарха, Посидония, Полибия и других подобных авторов».

Страбон, правда, забывает об этом обещании. Увлеченный полемикой, не раз цитирует он малоизвестных и явно незначительных писателей, высмеивая их легковерие либо обвиняя в сознательном искажении истины. Не всегда, однако, ясно, сам он выносит оценку или же попросту переписывает чужую критику, добавляя от себя лишь редкие поправки.

В общей сложности на 770 страницах его книги¹² встречается почти полтораста авторов, которых Страбон считал возможным процитировать. Среди них историки (свыше полусотни), поэты (тридцать семь), философы (шестнадцать), географы (пятнадцать), грамматики, астрономы, врачи, ораторы, политические деятели и т. д.

На кого же ссылается он чаще всего?

На историков V века до н. э. — Геродота (тридцать раз), Гелланика (десять), Фукидида (десять); на историков IV века до н. э. — Эфора (пятьдесят семь), Мегасфена (двадцать), Онесикрита (девятнадцать), Аристубула (шестнадцать), Феопомпа (четырнадцать); на историков II века до н. э. — Полибия (сорок девять) и I века до н. э. — Артемидора Эфесского (пятьдесят).

Из поэтов на первом месте стоит Гомер. Его имя встречается на двухстах сорока страницах (почти треть всего сочинения сопровождается цитатами из «Илиады» и особенно «Одиссеи»). Далее идут: Гесиод (двадцать шесть раз), Пиндар (двадцать четыре), Софокл (девятнадцать), Еврипид (восемнадцать), Каллимах (шестнадцать). Среди ученых особым вниманием Страбона пользуются Эратосфен (сто четыре) и Посидоний (семьдесят пять). Кроме них Страбон приводит выдержки из Гиппарха (сорок), географа и грамматика Деметрия из Скепсиса (тридцать один), грамматика Аполлодора из Афин (тридцать), путешественника Евдокса Книдского (пятнадцать), географа Гекатея Милетского (четырнадцать). Из философов поклонник стоиков Страбон чаще всего цитирует, однако, Аристотеля и Платона.

Поражает не только объем использованного материала. В конце концов значительную часть (а возможно, и большинство) цитат Страбон мог списать из других сочинений. Точно установлено, что некоторых работ, на которые есть ссылки, он заведомо сам не читал. Но одно обстоятельство, явно не случайное, обращает на себя внимание. Среди полутора сотен имен лишь четырнадцать принадлежат современникам.

Страбону довелось быть свидетелем не только захватнических походов, переворотов и гражданских войн. Он жил в эпоху, которую позднее назвали «золотым веком» римской литературы. При нем творили (и он не мог их не читать) знаменитые поэты: Вергилий, Гораций, Овидий, Лукреций Кар, Катулл, Тибулл, Проперций; не менее прославленные историки: Тит Ливий, Корнелий

Непот, Саллюстий Крисп, Помпей Трог, Диодор Сицилийский, Веллей Патеркул, Валерий Максим, ученый-энциклопедист Варрон. Почти всех их Страбон пережил. Он мог не только познакомиться с их произведениями, но и оценить их по достоинству. Увы, он демонстративно молчит. Не замечает, не хочет замечать, — будто римской культуры не существует вовсе. Единственное исключение сделано для Посидония. Но ведь тот как-никак был сирийским греком.

К слову сказать, сам Страбон не избежал своеобразного исторического возмездия. Его «Исторические записки», видимо, широко читались. Во всяком случае их цитируют и Плутарх, и Иосиф Флавий, а позднее — Тертуллиан¹³. А «Географию» современники не оценили. Можно еще понять, что мимо нее прошел Птолемей, принципиальный противник страбоновского описательного подхода к географии. Но трудно объяснить, почему о ней не упоминает такой дотошный ученый, славящийся именно своей энциклопедичностью, как Плиний Старший.

Итак, Страбон предпочитает оглядываться назад. Но отсюда вовсе не вытекает, что древние авторы заслуживают полного доверия. Мало того, что они во многом устарели, кое-кто из них вообще является лгуном, чьи писания нельзя принимать всерьез. Особенно достается историкам. Страбон заранее извиняется, что вынужден обращаться к ним: «Читатель должен простить меня и не раздражаться, если я подчас допускаю промахи (ибо большинство исторических сведений я черпаю у таких писателей), а скорее быть довольным тем, что я излагаю факты лучше других или дополняю то, что они пропустили по неведению».

Дело, однако, вовсе не сводится к поправкам. На протяжении всего труда Страбон постоянно раздражается филиппиками в адрес тех ученых, которых отличает яркая, живая манера изложения. С водой выплескивается младенец. Страбона, которого отличает деловой стиль, очевидно, раздражает всякая «художественность», «развлекательность» — они, по его мнению, только вредят тексту, лишают его серьезности. У тех, кто рассказывает мифы и сказки, цель проста — «доставлять удовольствие и вызывать удивление». Для оратора, поучает Страбон, главное иное — наглядность. Историк же должен стремиться прежде всего к истине. А о какой истине можно

говорить, например, у Гелланика — ведь у него «всюду обнаруживается величайшая небрежность». Или у Геродота и ему подобных писателей, которые «болтают много нелепостей, уснащая свои рассказы небывальщиной, словно каким-то музыкальным мотивом или приправой».

Справедливости ради надо заметить, что доверчивость Геродота вызывала нарекания еще за пятьсот лет до Страбона. Фукидид упрекал его за то, что он рассказывает о невероятных событиях, заботясь не об истине, а о том, чтобы произвести приятное впечатление. Но в течение пяти последующих веков все же авторитет Геродота оставался незабываемым, и старший современник Страбона, Цицерон, имел право назвать его «отцом истории» — прозвище, которое утвердилось за ним навсегда.

«Я обязан передавать то, что говорят, но не обязан всему верить», — провозглашал Геродот¹⁴. Страбон формулирует свой принцип иначе: «Там, где я имею свое суждение, я сообщаю то, что считаю правильным, где — нет, там называю источники, а где нет свидетельств, там и я умалчиваю».

Поэтому нередко Страбон, раздраженный тем, что писатель некритически воспринимает те или иные сведения, вообще не упоминает его трудов, зачеркивая даже то ценное и оригинальное, что в них содержится. Неудовольствие! И вот уже добросовестность оборачивается нудным педантизмом, строгость — сухостью, требовательность — придирчивостью, принципиальная оценка — брюзжанием.

Историков, которые пишут интересно и красочно, Страбон обвиняет в погоне за дешевой популярностью, в том, что они идут на поводу у читателей и слушателей. Поэтому скорее уж, с его точки зрения, можно поверить поэтам — Гомеру и Гесиоду — или трагикам, рассказывающим о подвигах легендарных героев, чем Геродоту, Гелланику, Ктесию из Книды (V век до н. э.). В другом месте Страбон обвиняет этих историков в том, что они специально разукрашивают изложение мифами, чтобы удовлетворить читателей, питающих особую любовь ко всему необычному и чудесному.

Пожалуй, наибольший гнев Страбона вызывают соратники и спутники Александра Македонского, описывавшие его походы и завоеванные земли. Среди них бы-

ли и географы, и полководцы, и историки. Многое из того, что ими рассказано, вызывает сомнение. Но все же ученый Мегасфен оставил сочинение «Индия», долгие годы служившее основным источником, знакомившим с этой таинственной для греков и римлян страной. Подробный отчет флотоводца Неарха о плавании из Индии в Переднюю Азию (от Инда до устья Евфрата) в 326 году до н. э. давал представление о неизвестных прежде азиатских берегах. Экзотические сведения об Индии сообщил и Деимах, посол при индийском царе (III век до н. э.). Их Страбон аттестует беспощадно: «Все писавшие об Индии в большинстве случаев оказывались лгунами, но всех их превзошел Деимах. На втором месте по выдумкам стоит Мегасфен. Онесикрит же, Неарх и другие помаленьку начинают бормотать правду. Мне довелось убедиться в этом, когда я писал «Деяния Александра» [раздел «Исторических записок»].

Почему же в трудах ученых и писателей эпохи Александра Македонского столько ошибок и несообразностей? Страбон объясняет это двумя причинами. Во-первых, все они больше заботились о прославлении македонского вождя, чем об истине. А во-вторых, они ничем не рисковали, сообщая о самых невероятных явлениях: ведь речь шла о столь отдаленных районах, что никто ничего не мог ни проверить, ни опровергнуть.

Не щадит Страбон и географа Артемидора Эфесского. Этот ученый, живший на рубеже II и I веков до н. э., путешествовал по Средиземному и Красному морям и Атлантическому океану. В своем «Перипле» он не только описал берега морей, но и указал расстояния между отдельными пунктами, поведал об обычаях разных народов, привел немало исторических сведений. Страбон высоко оценивал труд Артемидора, часто цитировал его, хотя и упрекал за отсутствие научного подхода (по мнению одного из исследователей, «если бы труд Артемидора сохранился, слава Страбона в значительной мере померкла»). Тем не менее, когда Страбон уличает Артемидора в ошибке, он без стеснения называет его профаном, а в другой раз столь же резко заявляет, что «его рассказы, соответствующие вкусам простонародья, никоим образом не заслуживают доверия».

Из путешественников особое раздражение вызывает у Страбона Пифей из Массалии. Какими только язвительными эпитетами не награждает он смелого перво-

проходца! Пифей «всегда обманывает людей», он — «отъявленный лгун», его сообщения об областях за Рейном — «сплошные выдумки». Страбон решительно отказывается верить известиям Пифея о загадочной Фуле, подводя, так сказать, теоретическую базу: Фула — самая северная точка известной нам земли. А поскольку Пифея уличили в ошибках и неточностях, когда он рассказывал о давно уже исследованных странах, то совершенно очевидно, что он лжет, говоря о неведомых местах.

С наивысшим почтением Страбон относится к Гомеру. В соответствии с модой того времени географ обязан был высказать свое отношение к его творчеству. И Гомер, этот «муж многогласный и многоученный», стоит по сути дела вне критики. Его Страбон защищает от упреков, нередко приводит в оправдание поэта различные чтения его текста и толкования комментаторов. Сравнивая очертания берегов, рельеф местности и т. п. с гомеровскими описаниями, Страбон ссылается на то, что «нельзя допускать, чтобы в чем-то наши суждения противоречили суждениям поэта, принятым всеми на веру». Гордясь своей объективностью, Страбон утверждает: «Поскольку различные авторы говорят по-разному, я должен рассмотреть их точки зрения. Вообще пользуются доверием люди старейшие, опытнейшие и наиболее знаменитые. А так как Гомер в этом смысле превосходит всех, то и нужно разобрать его сообщения и сопоставить с нынешним положением дел».

Посидония Страбон называет «самым ученым философом нашего времени». И это при том, что отношение к географической науке, цели и задачи, стоящие перед ними, абсолютно различны. По Посидонию, география должна объяснять мир, а не описывать его, т. е. быть физикой, а не хорографией. Страбону же явно не по душе, что Посидоний столь часто обращается к математике. Объясняя причины различных явлений, «Посидоний много занимается изучением причин, подражая Аристотелю, — т. е. как раз тем, что наша школа [стоиков] избегает делать, поскольку причины — предмет довольно неясный». Манера его изложения тоже чужда Страбону. И тем не менее он следует именно ему, когда излагает историю географии, общие проблемы этой науки, рассуждает о форме земли, расположении материков и океана, зонах земного шара. Упреков же Посидоний заслуживает разве что за излишнюю доверчивость. Он, например,

верит в реальность плавания финикийцев вокруг Африки при фараоне Нехо II (VI век до н. э.), о чем сообщает Геродот и что, тем не менее, как полагает Страбон (правильнее сказать, в чем не сомневается Страбон, ибо он редко колеблется в своих оценках!), является чистой выдумкой. Что же касается плавания в Индию Евдокса из Кизика, о котором подробно повествует Посидоний, то приговор Страбона категоричен: «Вся эта история не особенно далека от выдумок Пифея, Евгемера¹⁵ и Антифана Бергского. Но тех еще можно извинить, как мы прощаем выдумки фокусникам — ведь это их специальность. Но кто может простить это Посидонию, человеку, весьма искусенному в доказательствах, и философу?»

Займствуя у Посидония многие сведения, Страбон, уличив его в нескольких неточностях, не в силах удержаться от язвительного замечания: «Я не представляю себе, как можно доверять Посидонию, когда он рассуждает о неизвестных предметах (об этом он не может сказать ничего правдоподобного), если он и об известном-то говорит столь неразумно... Ему следовало бы в несколько большей степени заботиться об истине». Это, правда, отнюдь не мешало Страбону на протяжении всей книги многократно (и с полным доверием) цитировать Посидония и даже использовать его аргументы в полемике с другими писателями и учеными. Излагая же знаменитый труд Посидония «Об Океане», Страбон старается подчеркнуть наиболее спорные места, выискивая с мелочной придирчивостью все «противоречивое», «недостоверное» и «невозможное».

Но чаще всего на страницах «Географии» мелькает имя Эратосфена. Разбору его сочинений и взглядов посвящены целиком первые две книги. Многочисленные цифры, извлеченные Страбоном из работ других авторов, он сверяет прежде всего с эратосфеновскими вычислениями. По мнению Страбона, Эратосфен — великий ученый. Он достоин наивысших похвал и особой критики. Именно потому, что своим огромным авторитетом как бы узаконивает неточности, ошибки и заблуждения.

Прежде всего Страбон недоволен тем, что Эратосфен отнюдь не благоговеет перед Гомером, даже более того — обвиняет того в недостатке учености, в поэтических вольностях и вообще не считает достойным внимания авторитетом.

Конечно, осторожно замечает Страбон, поэту дозволено придумывать, сочинять то, чего не существует, но все же он не должен противоречить ни фактам, ни здравому смыслу. Гомер же точен и правдив, и потому именно он — истинный основоположник научной географии, поскольку «превзошел всех людей древнего и нового времени не только достоинствами своей поэзии, но и, как я полагаю, знанием условий общественной жизни. Он заботился не только об изображении событий, но и о том, чтобы узнать как можно больше фактов и передать их потомкам, старался познакомить с географией отдельных стран и всего обитаемого мира».

«Нелепо было бы наделять Гомера всесторонними знаниями... В этом случае ты, Эратосфен, пожалуй, прав. Но ты не прав, когда отнимаешь у Гомера великую ученость и объявляешь поэзию сказками, в которых, как ты говоришь, разрешено выдумывать все, что годится для развлечения».

В то же время Эратосфен чересчур снисходителен к таким не заслуживающим доверия лицам, как Пифей или современник Геродота историк Дамаст. Даже если в их сообщениях есть крупица истины, их все равно не следует цитировать, поскольку они — заведомые лгуны. «Ссылаться же на авторитет Дамаста ничуть не лучше, чем пользоваться свидетельствами Антифана из Берги или мессенца Евгемера и прочих писателей, которых сам Эратосфен цитирует, чтобы высмеять их нелепую болтовню» (упрек, как видим, тот же, что и Посидонию). Многие неточности у Эратосфена проистекают от того, что он часто исходит из «обывательских представлений». И Страбон считает себя вправе заявить, что его задача — исправить ошибки прославленного предшественника, которого он, разумеется, безмерно уважает, но кому особенно доверять не решается.

Дело, оказывается, в том, что Эратосфен... не нашел себя. Будучи математиком и астрономом, склонный к точным наукам, а не к описательным, вроде истории или географии, он чувствовал всю важность и необходимость философского осмысления своих трудов. «Он колебался между стремлением к философии и боязнию всецело посвятить себя этой профессии. В итоге философия сделалась для него чем-то посторонним, отвлекающим от основных занятий, или даже предметом забавы». Несчастье Эратосфена в том, что он был «математиком среди гео-

графов и географом среди математиков» и потому вызывал нарекания и тех и других.

Критикуя Эратосфена, Страбон, однако, делает это в основном чужими устами — прежде всего привлекая на помощь Гиппарха (особенно когда уточняются координаты и расстояния между отдельными районами и пунктами). «Мне нечего добавить к его замечаниям», — объявляет Страбон. Замечания эти и в самом деле, как правило, справедливы, хотя бы уже по тому, что в III веке до н. э. почти совсем не знали ни Испании, ни Галлии, ни Британии, ни Германии, очень смутно представляли себе области к северу и востоку от Боспора, районы Кавказа и Каспия. Но Страбону хочется быть объективным. И он с гордостью указывает, что не только исправил ошибки Эратосфена, но и защитил его от нападок, в частности — того же Гиппарха, который, по мнению Страбона, слишком уж заядлый спорщик.

Что же касается Полибия, то он тоже исправляет Эратосфена — «иногда правильно, а иногда сам впадая в еще большие ошибки». Поэтому, хотя к Полибию Страбон относится с подчеркнутым уважением и во многом даже подражает ему, тем не менее он скрупулезно высматривает у него погрешности в описании Европы и Африки.

Почти сто страниц первых двух книг «Географии» посвящены анализу и критике сочинений предшествующих ученых. Критике иногда серьезной, иногда мелочной и поверхностной. Как бы подводя итог этой части своего труда, Страбон заключает: «Пока достаточно сказанного здесь о моих предшественниках — всех, кого я счел достойными засвидетельствовать мое право предпринять одинаковый с ними труд, требующий таких больших поправок и дополнений».

В этой фразе — молчаливое предположение, что уж его-то труд абсолютно строг и научен и не нуждается в особых поправках. Верил ли Страбон в это? Вряд ли. Иначе он не написал бы зачеркивающей многие усилия фразы о том, что географы, и он сам в том числе, большую часть сведений получают из чужих уст, т. е. пишут на основании слухов — тех самых слухов, против которых было выпущено им столько язвительных стрел.

Честолюбие Страбона в конце концов было удовлетворено: он действительно написал книгу необычную — огромную, всеобъемлющую и, конечно же, полезную многим. Единственное, чего он не успел в жизни — увидеть ее в руках читателей. Издана она была, то есть переписана и размножена, — уже после смерти автора (как полагают, после 23—24 года н.э.).

Многие годы Страбон собирал материал, делал выписки, заметки. Все это на рубеже нашей эры (примерно около 7 года до н.э.) было аккуратно распределено по разделам и главам. Родилась книга. Правда, отнюдь не в окончательном виде. Огромное количество сведений и в самом деле относится к последнему десятилетню до н.э.: упоминаются сооружения, которые возводились именно в те годы, сражения и походы, явно описанные их современником, и т. п.

И вдруг... В семи разных местах произведения всплывает имя пасынка Августа — Тиберия, ставшего императором. Но это случилось ведь в 14 году н.э.! Может быть, это просто более поздние вставки, сделанные чужой рукой? Не очень-то похоже: рассказ о деятельности Тиберия и его сыновей органично входит в текст. Но есть еще более непонятные пассажи.

Вот автор подробно, чуть ли не как очевидец (все-таки он тогда, видимо, находился в Риме), повествует о гибели легионов под командованием Вара в Тевтобургском лесу (9 год н.э.) и о том, как Германик, племянник Тиберия, отомстил за это германскому племени херусков. «Все они, — пишет Страбон, — понесли наказание и доставили молодому Германику блестящий триумф, во время которого вели самых знатных пленников», в том числе жену вождя херусков Арминия, который «и теперь еще продолжает воевать».

Триумф — и это установлено абсолютно точно — состоялся 26 мая 17 года. Страбон описывает процессию так, словно наблюдал за ней непосредственно. Когда же он мог поведать о ней? В 20 году Арминии уже погиб. А в 19 году скончался Германик, о смерти которого упоминаний нет. Более того, специально подчеркивается, что дети Тиберия — Германик и Друз — во всем помогают отцу. Итак, остается единственная дата — 18 год.

Ей вполне соответствует и другое сообщение — об

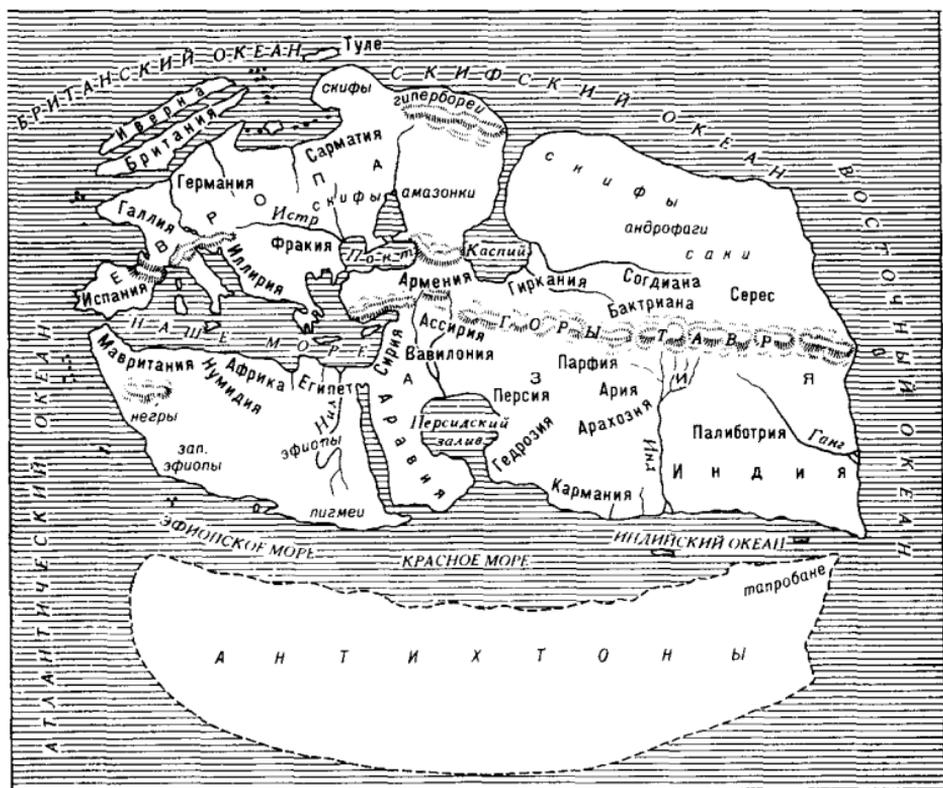
альпийских племенах, которых Тиберий и его брат «в течение одной летней кампании заставили прекратить набеги, так что теперь идет уже 33-й год, как они живут мирно». Покорение этих племен относится к 15 году до н. э.

Можно допустить, что в написанное сочинение педантичный автор не переставал вносить добавления, уточнения, поправки. Ничем иным не объяснить неожиданного замечания о мавританском царе Юбе II, который «скончался недавно, и власть унаследовал его сын Птолемей», внук Антония и Клеопатры. Но Юба-то умер все-таки в... 22 году (!).

Так или иначе «География» Страбона дает представление о мире, каким он виделся в начале новой эры. В сущности «круг земель» был не так уж велик. «Обитаемый», известный мир протянулся от Испании до Индии, от берегов Скандинавии до верховьев Нила у границ Эфиопии. Иными словами: римляне в I веке н. э. знали хорошо узкую полосу северного берега Африки, небольшую часть Азии (до Ганга и Афганистана), наконец, примерно третью часть Европы — до северного побережья Балтийского моря и Ирландии. Они не знали почти всей Восточной Европы, всего Дальнего Востока, Сибири, Средней Азии (кроме ее южных областей) и Китая. Они, естественно, не подозревали о существовании огромного материка в Западном полушарии. Но вполне доверяли авторитетным высказываниям ученых-греков, давно уже доказавших шарообразность нашей планеты.

Что же касается точных расстояний, размеров земель, то здесь царил полнейший хаос. Достаточно сказать, что Страбон, как и его современники, считал Африку менее крупным континентом, чем Европу. Британия казалась ему треугольником или вытянутым ромбом. Границы Европы исчезали в туманных северных морях и в бескрайних неведомых просторах Скифии и Сарматии.

Впрочем, «бескрайние» — слишком сильный эпитет. «Края» ойкумены, хотя их никто толком не видел, давно уже были определены, можно даже сказать, вычислены. Во времена Страбона господствовало твердое убеждение, что земля — шар, находящийся в центре Вселенной (хотя еще в III веке до н. э. Аристарх Самосский высказал поразительную по дерзости мысль, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот!). Земля делится на пять



Мир по Помпонию Меле

поясов — жаркий, холодные (где жизнь считалась невозможной) и умеренные. Ойкумена же включает в себя три материка — Европу, Ливию и Азию — и по форме напоминает хламиду. Границы ее почти полностью совпадают с границами умеренного пояса в северном полушарии. Протяженность же ее — 70 тысяч стадиев с запада на восток и 30 тысяч — с севера на юг.

Экватор, пишет Страбон, делит земной шар пополам. Линия же, соединяющая полюса, в свою очередь делит надвое каждое из полушарий. «В одном из этих четырехугольников лежит наш обитаемый мир, омываемый морем, похожий на остров». Большая часть этого моря считалась недоступной для плавания как на севере, так и на юге. Запад же оставлял богатую пищу для фантазии.

Еще Аристотель в трактате «О небе» замечал: «Наблюдения над звездами показывают, что Земля не толь-

ко шарообразна, но и невелика по размерам. В самом деле, небольшое перемещение к югу или северу заметно меняет наш горизонт... перемещаясь к югу, мы видим одни звезды, к северу — другие... Вот почему не такую уж невероятную мысль высказывают те, кто предполагает, что области у Геркулесовых столбов сообщаются с областями, лежащими близ Индии, и что, таким образом, океан есть единое целое. Защитники этой точки зрения в качестве доказательства ссылаются на то, что такие животные, как слоны, встречаются на обоих названных концах земли. Отсюда делают вывод, что они сообщаются друг с другом»¹⁶.

Позднее масштабы этого Океана увеличивались. Эратосфен, по сообщению Страбона, утверждал, что «что если бы огромные пространства Океана не служили препятствием, можно было бы доплыть из Иберии в Индию по одному и тому же параллельному кругу. Страбон также приводит слова Посидония о «беспредельном пространстве» океанских вод.

Современник же Страбона, Сенека настаивал на том, что от одной оконечности ойкумены до другой «ничтожнейшее расстояние, если благоприятный ветер наполнит паруса». Большинство, однако, не смотрело на вещи столь оптимистично. Ученые и философы допускали также, что неведомые области вовсе не обязательно должны быть безлюдны. Сам Страбон проявлял разумную осторожность в формулировках: «Обитаемым миром мы называем тот, в котором живем и который знаем; возможно, что в одном и том же умеренном поясе — два обитаемых мира и даже больше, особенно близ параллели, идущей через Афины и Атлантический океан».

Не исключалось, что в южном полушарии, в таком же умеренном поясе, существуют «антиподы», или «антэки» («живущие напротив»).

Воображение рисовало и более смелую картину. За Атлантическим океаном, писал еще один современник Страбона — Плутарх, есть другой материк. О нем говорили в I веке н. э. Диодор Сицилийский, Плиний Старший, Помпоний Мела. Сенека позволил даже себе в трагедии «Медея» предсказать: «Настанет время, Океан разорвёт оковы естества, и будет открыта громадная земля, и Фуле уже не будет краем света».

Кто знает, не прочел ли четырнадцать веков спустя этих пророческих строк отважный генуэзец, рискнувший

бросить вызов Атлантическому океану? Во всяком случае есть основания полагать, что Колумб знал о подобных догадках античных ученых.

Правда, как заметил английский исследователь Дж. Томсон, «выдумал» Америку уже в IV веке до н. э. философ Платон, поведавший в диалогах «Тимей» и «Критий» о таинственно исчезнувшем царстве атлантов. «И какой же другой рассказ больше всего похож на истину, а не на выдумку?» — недоумевал мудрейший Сократ в диалоге «Тимей». И Страбон высказывает свое (и не только свое) отношение к этому, уже тогда весьма интригующему сюжету: «У Посидония правильно сказано, что земля иногда поднимается и оседает, а также испытывает перемены от землетрясений и других подобных явлений... С этим он удачно сопоставляет сообщения Платона о том, что история об острове Атлантида, возможно, вовсе не является выдумкой. Платон передает, что Солон, расспросив египетских жрецов, говорил, что Атлантида некогда существовала, но исчезла; это был остров не меньше материка» (у Платона, чтобы быть точным, Атлантида превосходила Азию и Ливию, вместе взятые).

Сам Страбон убежден, что между Испанией и Индией (если плыть на запад, пересекая Атлантический океан) никаких земель все же нет; «те, кто совершал кругосветное плавание и затем возвращался назад, говорят, что вернулись они не потому, что натолкнулись на какой-то материк, который помешал дальнейшему плаванию, ибо море оставалось открытым, а из-за нехватки продуктов и пустынности мест».

Океанических исследований, правда, в ту пору не предпринимали. Основные «морские» открытия на протяжении многих веков делались финикийцами, карфагенянами, греками. Римляне предпочитали иметь твердую почву под ногами и верили в несокрушимую поступь своих легионов. Карфагеняне и греки основывали далекие колонии — крохотные островки, окруженные враждебным «варварским» миром. Римляне планомерно покоряли обширные территории, покрывая их сетью крепостей и военных лагерей (из которых впоследствии нередко вырастали города).

За сотню лет до Страбона римляне, став хозяевами Средиземноморья, неплохо знали Пиренейский полуостров, южную часть Галлии, альпийские перевалы.

В эпоху Страбона они совершили открытие Западной Европы и проникли в Центральную Европу. Уже Юлий Цезарь, который вел войны с кельтскими и германскими племенами, прошел со своими войсками через всю Галлию, высадился в Британии, наконец установил границу римских владений по Рейну. Позднее по тому же Рейну римляне добрались до Северного моря и двинулись на восток, дойдя до устья Эльбы.

В первые годы нашей эры военные корабли римлян очутились в Ютландии. Там, у северной ее оконечности, завоеватели услышали о скифской стране и о «крайне влажных и обледеневших пространствах» моря (Балтийского), которое они восприняли как часть Ледовитого океана. Поэтому и страну, которую в I веке Плиний обозначил как Скандинавию, они считали островом.

О Прибалтике и ее богатствах (особенно о янтаре) рассказывались небылицы — они, однако, вполне серьезно воспроизводились в трудах некоторых географов. Реального же представления об этих местах еще не было. Из рек, впадающих в Балтийское море, знали только одну Вислу. Северную же границу Европы проводили через Ирландию (сведения о ней, впрочем, тоже носили фантастический характер).

В Средней Европе римляне проникли в заальпийские области и дошли до Дуная, разбив лагеря на территории нынешних Румынии и Венгрии.

Войны римлян в Азии не слишком расширили их кругозор. По-прежнему считали они Каспийское море заливом Океана, понаслышке знали о Дальнем Востоке и Китае, практически не знакомы были со Средним Востоком и Индией, не говоря уже о Средней Азии, Урале и Сибири.

Одно из немногих их достижений — более детальное знакомство с Аравией, куда в 5 году до н. э. отправился по Красному морю Элий Галл, друг Страбона, проникший в «Счастливую Аравию» (Йемен), но вскоре бесславно возвратившийся оттуда с большими потерями.

Берега Аравийского полуострова, южного Ирана и западной Индии, очевидно, были хорошо знакомы мореходам и купцам (судя по сохранившимся «Периплам»). Точно известно и то, что для плавания в западных частях Индийского океана уже в I веке использовали периодически сменяющиеся муссоны.

Но уже Цейлон представлялся сказочной страной. Так же как земли за Гангом или у Каспия (хотя Антоний вторгался с войсками на территорию современного Азербайджана, а историк II века до н. э. Аполлодор из Артемиды впервые сообщил подробные сведения о парфянах). О массагетах же, обитавших к востоку от Каспийского моря, по словам Страбона, «историки в результате своих исследований не передали ничего точного и правдоподобного, а древняя история персов, мидян и сирийцев не приобрела большой достоверности из-за наивности писателей и их увлечения мифами».

Еще меньше была изучена Африка, которую при Страбоне именовали Ливией (Африкой называли тогда узкую полосу на северо-западе континента, прилегающую к Тунисскому заливу). О протяженности ее с севера на юг в те времена и не подозревали. В глубь ее римляне почти не продвигались. Разве что в 19 году до н. э. римский отряд отправился подавлять беспокойных кочевников. Захватив оазис к югу от лежавшего в руинах Карфагена, он пересек каменистую пустыню и, двигаясь на восток, вышел к оазису в семистах километрах к югу от Триполи.

На востоке же к середине I века н. э. побережье было известно до Сомали, а позднее — до Занзибара (что составляло примерно три пятых длины континента).

Таким представлялся мир современникам Страбона. Таким и описывал он его в своем сочинении, откровенно признаваясь, что неведомые или малоизученные земли его не интересуют.

Материал распределяет он крайне неравномерно, исходя не только из «количества информации», но и руководствуясь явно личными пристрастиями. Из пятнадцати книг, в которых рассказано об ойкумене (две, как уже говорилось, касаются общих вопросов географической науки, ее истории, знакомят со взглядами других авторов), восемь посвящены Европе (из них три — Греции и две — Италии), шесть — Азии (из них три — Малой Азии) и лишь одна — Африке.

В III книге речь идет об Иберии, в IV — о Галлии, Британии и Альпах, в V—VI — об Италии и Сицилии, в VII — о Германии, Балканах и Скифии, в VIII—X — о Греции и Крите, в XI — о Кавказе, Закавказье, Боспоре, Понте, о Парфии, Гиркании и других областях близ Каспийского моря, в XII—XIV — о Малой Азии, в XV —

о Персии и Индии, в XVI — о Передней Азии (Ассирии, Вавилонии, Месопотамии, Сирии, Финикии, Иудее, Аравии), наконец в XVII — о Египте, Эфиопии и Ливии.

Симпатии автора безоговорочно отданы Европе. По его мнению, она, за исключением небольшой территории на севере, очень удобна для обитания и «удивительно приспособлена природой для усовершенствования людей и государственных форм». Правда, в гористых и более холодных районах жить нелегко, и это отражается на нравах их обитателей, однако и эти «бедные области, прежде населенные разбойниками, становятся культурными, как только получают хороших правителей». Равнины более благоприятно влияют на характер жителей, которые, как правило, миролюбивы и трудолюбивы, тогда как «в бедной стране, напротив, все служит тому, чтобы сделать людей воинственными и храбрыми».

А поскольку Европа «испещрена» равнинами и горами, то в ней «земледелие и цивилизованная жизнь сочетаются с воинственностью», поэтому она наиболее независима. Кроме того, она «сама производит все наилучшее и необходимое для жизни, а также все полезные металлы». Наконец, в Европе «много различных пород домашнего скота, дикие же звери редки. Таков в общих чертах этот материк по своей природе».

При всей наивности точки зрения Страбона это все же одна из первых попыток установить взаимозависимость между человеком и окружающей природой. Более того, ученый верит в возможность благотворного воздействия людей, в их, так сказать, культурную миссию. Естественно, образцом для него, патриота могучей державы, служат римляне. Подчинив массу отсталых племен, живших в «неудобных для обитания местностях» (скалистых, холодных, лишенных гаваней и т. п.), они «не только заставили народы, до сих пор разобщенные, вступить в общение друг с другом, но и научили даже более диких цивилизованной жизни».

Рассказывая об Испании или Галлии, Страбон опирается на надежные источники — сообщения заслуживающих доверия очевидцев (например, Юлия Цезаря, не только покорившего кельтов, но и оставившего знаменитые «Записки о Галльской войне»), труды побывавших там ученых (Полибия, Посидония, Артемидора из Эфеса). Это, правда, не избавляет Страбона от ошибок: Атлантическое побережье тянется у него прямой линией

от Пиренеев до устья Рейна, о Бискайском заливе и выступе полуострова Бретань не говорится ни слова.

Еще больше погрешностей — в описании Британии. Сам остров, по форме напоминающий треугольник, «сдвинут» далеко к югу, причем южная его часть по длине равна и параллельна Галлии. Ирландия же помещена близ северной оконечности Британии. Это — крайняя точка ойкумены. Надежными известиями об острове Иерна (Ирландия) Страбон не располагает и потому вопреки обыкновению обращается к непроверенным свидетельствам: «Об этом острове я не могу сказать ничего определенного, кроме того, что обитатели его болсе дикие, чем британцы, ибо они людоеды и отличаются обжорством».

О Германии представления у Страбона крайне смутны. Рассказывая о некоторых важнейших событиях, связанных с походами римлян (Юлия Цезаря, Августа, Тиберия), ученый ограничивается очень краткой и неопределенной характеристикой природных условий страны (два параграфа о Германии занимают всего пять страниц!). Он утверждает, например, что все се пространство до Эльбы — болота и густые леса. Что же касается земель за Эльбой, то о них ему ничего не известно, как не знает он и реки Вислы.

Довольно точно описывает географ Адриатическое побережье, земли же на севере Балкан (до Днестра) известны ему гораздо хуже.

Отрывочны и данные о землях, прилегающих к Черному морю с севера. «Варварские» земли (скифов, сарматов) его мало интересуют. О них он говорит с чужих — и не всегда убедительных — слов. Разумеется, географу хорошо известны старинные греческие колонии: Ольвия (около Одессы), Херсонес (близ Севастополя), Феодосия, Пантикапей (современная Керчь), Фанагория, Танаис (в устье Дона). Но, как заметил еще М. И. Ростовцев¹⁷, нет ни одного указания на то, что Страбон лично знаком с северным и восточным побережьями Черного моря, и «нет оснований думать, что его тянуло в эти отдаленные места».

Категорические же высказывания, вроде «Вся территория к северу от Германии до Каспийского моря представляет собой равнину» или «Вся страна вплоть до приморских областей между Борисфеном [Днепр] и Меотидой [Азовское море] отличается суровыми зимами», от-

нюдь не делают эти главы книги более убедительными. Историко-этнографический материал в них весьма интересен, хотя и не всегда достоверен.

Пожалуй больше экзотических подробностей встречается в разделах, посвященных Азии. Одни из них — совершенно фантастичны (описание нравов жителей Аравии, Передней Азии), другие, наоборот, абсолютно точны. Естественно, особенно детально Страбон рассказывает о хорошо известных ему Понте, Вифинии, Каппадокии, Ионии, Киликии и других областях, которые в 417 году церковный писатель Орозий в своей «Истории против язычников» объединит под общим названием Малая Азия.

Что касается Индии, то Страбон посвящает ей немало страниц, правда, постоянно замечая, что он черпает сведения из разных, противоречивых источников, и потому «моя точка зрения совпадает с мнением тех писателей, которые просят снисхождения, если, говоря об Индии, они не утверждают ничего определенного».

Но и в описании более известных областей Страбон подчас ошибается. Так, он путает некоторые озера, искажает линию Эгейского побережья, преуменьшает ширину Кавказского перешейка, считает, как уже говорилось, Каспийское море заливом Океана и т. д.

Слабее же и поверхностней всего охарактеризована Ливия (Африка), которая, по мнению Страбона, меньше Европы и представляет собой в основном малонаселенную пустыню, где обитают главным образом кочевники. О западном побережье материка представления самые смутные. Страбон считает, что оно тянется не на юг, а на юго-восток и сравнительно невелико. Северное же побережье, освоенное еще финикийцами и карфагенянами, он описывает, пользуясь сочинениями Артемидора и Полибия, которым полностью доверяет (как доверяет самому себе, когда приступает к рассказу о Египте, где бывал не раз). О многих других районах, о которых известно понаслышке, Страбон говорить вообще отказывается. Он честно признается: «Мы не знакомы с оазисами до Эфиопии; мы не можем назвать границ Эфиопии, Ливии и даже точных границ области, примыкающей к Египту, а еще меньше — той части континента, что лежит на берегу океана».

На такой не слишком веселой ноте заканчивается «География» Страбона (заключительный панегерик рим-

скому могуществу не имеет прямого отношения к предшествующему тексту).

Судьба оказалась милостива к нему — она сохранила его творение. Самые ранние списки «Географии» восходят к X веку, а наиболее полная рукопись — так называемый Парижский кодекс 1393.

В римскую эпоху Страбона почти не знали. Изредка имя его встречается у Маркиана из Гераклеи (V век) или в схолиях к Аполлонию Родосскому¹⁸. В VI веке Стефан Византийский в «Лексиконе», посвященном императору Юстиниану, уже обильно цитирует Страбона. Обращается к нему и знаменитый историк той поры Прокопий из Кесарии. В XII веке с величайшим уважением о Страбоне отзывается константинопольский епископ Евстафий, комментатор поэм Гомера, Византийцы даже издают «Страбоновскую хрестоматию» — сокращенную «Географию», дополненную отрывками из труда Птолемея.

В эпоху Возрождения со Страбоном знакомятся европейцы. В первой половине XV века рукописи «Географии» появляются в Италии. Они привлекают внимание гуманистов, с удивлением обнаруживающих, что в античные времена у великого Птолемея, чей авторитет многие века оставался незыблемым, был достойный соперник.

В 1472 году «География» Страбона выходит в латинском переводе, осуществленном еще по настоянию папы Николая V, основателя Ватиканской библиотеки, через восемь лет ее переводят заново. В 1516 году она впервые печатается по-гречески.

Той непосредственной пользы, на которую рассчитывал ее автор, она, конечно, не приносит. Казалось бы, она вообще могла заинтересовать лишь историка. И все же... «Великое творение Страбона... в конце средних веков начало оказывать влияние на направление идей»¹⁹. А идеи отличались смелостью. В XV веке они устремлялись к неведомым землям по ту сторону Атлантики, к столь же таинственным южным берегам Африки. Вряд ли Страбона знал Колумб. Но вполне вероятно, что его читал флорентийский географ Тосканелли, который давал советы отважному генуэзцу. Во всяком случае безмятежная уверенность в том, что путь через Атлантический океан не слишком долог, пришла из античности. Не это ли счастливое заблуждение придало силы Колумбу?!

Малоазийский грек, живший на рубеже нашей эры, написал на склоне лет сочинение, которое, он надеялся, с пользой прочтут заинтересованные лица. Современники не заметили этого произведения.

Слава пришла через тысячу с лишним лет...

В античные времена наиболее знаменитых деятелей нередко именовали по их «профессиям». Произносили: Поэт — и все понимали, что имеется в виду Гомер. Говорили: Оратор — и было ясно, что речь идет о Цицероне.

Византийцы высоко оценили Страбона. Настолько, что могли не называть его имени — имени ученого, за которым закрепилось авторитетное прозвище: ГЕОГРАФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, стр. 262.

² Фраза из стихотворного трактата римского грамматика III века Теренциана Мавра «О буквах, слогах и метрах».

³ I Митридатова война (89—84 годы до н. э.) после ряда успехов понтийского царя в Малой Азии и Греции завершилась его поражением. II Митридатова война (83—82 годы до н. э.) свелась к столкновению в Малой Азии, в результате которого Митридат взял верх над римлянами.

⁴ Перипатетиками называли учеников Аристотеля, которые во время занятий и бесед прохаживались вместе с учителем (греческий глагол «перипатейн» означает «ходить вокруг», «прогуливаться»).

⁵ По мифу, именно здесь Зевс победил своего отца Крона, лишив его власти. В честь этого события Геракл, сын Зевса, учредил пятидневный праздник, три дня из которого отводились состязаниям. Датой первых Олимпийских игр греки считали 776 год до н. э.

⁶ Меркурий (греческий Гермес) был богом торговли и прибыли, покровителем путешественников и купцов. Бога света, предводителя муз Аполлона, чтили также как божество, отвращающее беды. Сыном его был Асклепий, бог врачевания.

⁷ «Так проходит слава мира».

⁸ Афина Полиада — т. е. Градохранительница. Древнее святилище ее — Эрехтейон — было построено легендарным царем Кекропом и разрушено во время нашествия персов в 480 году до н. э. В 421—406 годах до н. э. храм был возведен заново.

⁹ Парфенон — храм Афины-Девы — построили Иктин и Калликрат в 447—432 годах до н. э.

¹⁰ Знаменитая 12-метровая статуя Афины-Девы, созданная в 440—430-х годах до н. э., в V веке н. э. была увезена в Константинополь, где погибла во время пожара.

¹¹ Геродот. История, II, 148.

¹² Имеется в виду текст в русском переводе Г. А. Стратановского (Страбон. География в 17 книгах. М., 1964).

¹³ Тертуллиан (160—222) — известный христианский богослов.

¹⁴ Геродот. История, VII, 52.

¹⁵ Евгемер из Мессины (IV—III века до н. э.) — автор философского утопического романа «Священная летопись».

¹⁶ Аристотель. О небе, II, 14.

¹⁷ М. Ростовцев. Страбон как источник для истории Боспора. — В кн.: Сборник в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914, стр. 4—5.

¹⁸ Аполлоний Родосский (III век до н. э.) — выдающийся александрийский поэт, автор эпической поэмы «Аргонавтика».

¹⁹ А. Гумбольдт. Космос, т. 2. М., 1862, стр. 201.

ЛИТЕРАТУРА

- Боднарский М. С.* Античная география. Книга для чтения. М., 1953.
- Дитмар А. Б.* «География» Страбона. — «Изв. Всесоюзн. географ. об-ва», т. 99, вып. 2, 1967.
- Дитмар А. Б.* Рубежи ойкумены. М., 1973.
- Ельницкий Л. А.* Древнейшие океанские плавания. М., 1962.
- Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., 1961.
- Исаченко А. Г.* Развитие географических идей. М., 1971.
- Магидович И. П., Магидович В. И.* История открытия и исследования Европы. М., 1970.
- Ростовцев М. И.* Страбон как источник для истории Боспора. — В кн.: Сборник в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914.
- Страбон.* География в 17 книгах. М., 1964.
- Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
- Томсон Д. О.* История древней географии. М., 1953.
- Хенниг Р.* Неведомые земли, т. I. М., 1961.
-
- W. Aly.* Strabon von Amaseia. München, 1960.
- G. Auzas.* Strabon et la science de son temps. Paris, 1966.
- M. Dubois.* Examen de la géographie de Strabon. Paris, 1891.
- E. Honigman.* Strabo. — Pauly — Wissowa — Kroll. Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. 2. Reihe, 7. Hbb., 1931.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Если бы не было Страбона	3
Страбон размышляет	9
Страбон путешествует	18
Страбон выбирает читателя	41
Страбон критикует	48
Страбон рассказывает	58
Примечания	70
Литература	71

*Арский,
Феликс Наумович*

СТРАБОН

Редактор *С. Н. Кумкес*

Младший редактор *Л. Ю. Артемьева*

Оформление художника *А. А. Кузнецова*

Художественный редактор *В. А. Масленников*

Технический редактор *С. П. Лебедева*

Корректор *В. С. Феница*

Сдано в набор 10 июня 1974 г. Подписано в печать 3 октября 1974 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типограф. № 2. Усл. печатных листов 3,78. Учетно-издательских листов 3,86. Тираж 50 000 экз. А 01903. Зак. 1315 Цена 12 коп. Издательство «Мысль», 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Хохловский пер., 7.